

The image features a golden scroll with a quill pen resting on it. The scroll is unrolled, showing a golden background with a subtle pattern. The quill pen is positioned diagonally across the scroll, pointing towards the bottom right. The text is written in a stylized, red, serif font with a black outline.

**ИСТОРИЯ
ОБРАЗОВАНИЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

ХРЕСТОМАТИЯ

**В 3 ЧАСТЯХ
Часть 1**

**Мозырь
2013**

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ХРЕСТОМАТИЯ

В трех частях

Часть 1

*Рекомендовано учебно-методическим объединением
по педагогическому образованию в качестве хрестоматии
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальностям профиля А - Педагогика*

Мозырь
2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Тема 1 ЗАРОЖДЕНИЕ ВОСПИТАНИЯ, ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОБЫТНОМ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВАХ	
<i>Демокрит</i>	
Фрагменты о воспитании	8
<i>Платон</i>	
Государство	9
<i>Аристотель</i>	
Политика	24
<i>Плутарх</i>	
Сравнительные жизнеописания (Ликург)	29
<i>Марк Фабий Квинтилиан</i>	
О воспитании оратора	36
Тема 2 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА	
<i>Эразм Роттердамский</i>	
Похвала глупости	44
Домашние беседы. XXI. Мнемоническое искусство	48
Воспитание христианского государя	50
<i>Франсуа Рабле</i>	
Гаргантюа и Пантагрюэль	60
<i>Мишель Монтень</i>	
Опыты	67
<i>Томазо Кампанелла</i>	
Город Солнца	75
Тема 3 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО XIII в.	
Поучение Владимира Мономаха	80
Из народной энциклопедии (1910 г.)	83
Тема 4 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В БЕЛАРУСИ В IX–XVIII вв.	
<i>Франциск Скорина</i>	
Предословие доктора Франьциска Скорины с Полоцька в книги Иудиф-вдовици	86
Предьсловие доктора Франьциска Скорины с Полоцька во всю Бивлию рускаго языка	87

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Гусовский</i> Песня о зубре	88
<i>Симон Будный</i> Из предисловия к «Катехизису...»	91
<i>Василий Николаевич Тяпинский (Омельянович)</i> Из предисловия к «Евангелию»	93
<i>Ян Лициний Намысловский</i> Избранные «Сентенции»	95
<i>Лаврентий Зизаний (Тустановский)</i> Эпиграмма на грамматику	97
Из книги «Грамматика словенска»	98
<i>Максим Герасимович Смотрицкий (Мелетий Смотрицкий)</i> Грамматики словенския правильное синтагма	98
<i>Симеон Полоцкий</i> Обед душевный и Вечеря душевная	99
Тема 5 ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVII–XVIII вв.	
<i>Ян Амос Коменский</i> Великая дидактика	104
<i>Джон Локк</i> Мысли о воспитании	128
<i>Жан-Жак Руссо</i> Эмиль, или О воспитании	156
Тема 6 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В XVII–XVIII вв.	
<i>Е. Славинецкий</i> Гражданство обычаев детских	183
<i>М. В. Ломоносов</i> Проект регламента московских гимназий	187
<i>В. Н. Татищев</i> Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ	190
<i>И. И. Бецкой</i> Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества	191
<i>Н. И. Новиков</i> О воспитании и наставлении детей	194
ИСТОЧНИКИ	198

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как свидетельствуют многочисленные исторические исследования, различным периодам развития общества соответствуют специфические условия материальной и духовной жизни, которые меняются с течением времени. Однако человечеством накоплены и непреходящие ценности: искусство, народные обычаи и традиции, передаваемые из поколения в поколение, исторические реликвии и артефакты, раскрывающие генезис культуры человеческого общества. Эти духовные богатства играют огромную роль в развитии личности: соприкосновение с ними позволяет с ранних лет освоить определенные жизненные и нравственные нормы, сохранить и передать их будущим поколениям.

Как правило, культурные и социальные ценности выступают источниками исторических исследований. В отношении педагогики к их числу относятся архивные материалы по вопросам народного образования; памятники древней письменности; древние рукописи, рассказывающие о воспитании и обучении; официальные материалы (законы об образовании и воспитании, проекты, концепции, отчеты, доклады и т. д.); учебники и учебные пособия; сочинения выдающихся педагогов прошлого и современности; общая и педагогическая пресса.

Осмыслению культурного наследия прошлого в полной мере способствует содержание курса «История образования и педагогической мысли», которое позволяет будущим педагогам на основе усвоения историко-педагогических фактов выработать собственный индивидуальный стиль профессиональной деятельности. Таким образом, исторический педагогический опыт представляет не только познавательный интерес, но и практически полезен в современных условиях педагогической деятельности. Ибо изучение истории образования призвано играть значительную роль в повышении педагогической культуры учителя, передавать лучшие традиции гуманистической педагогики и тем самым помогать педагогу в его повседневной деятельности.

Изучение курса «История образования и педагогической мысли» имеет целью дать будущим педагогам представление о мировом историко-педагогическом процессе, о качественных изменениях в развитии педагогической мысли и в школьной практике, выявить то новое, что содействовало продвижению вперед педагогической науки и имеет сферу применения в современной системе образования.

В связи с этим при изучении названного курса целесообразно обращение к первоисточникам, собранным в данной хрестоматии, содержание которой раскрывает специфику воспитания и образования в разные исторические периоды в Беларуси и зарубежных странах,

результаты воздействия на обучение и воспитание условий материальной и духовной жизни общества; показывает место школьного образования в воспитании и развитии детей, роль церковно-религиозного воспитания на различных исторических этапах; отражает основные положения авторских педагогических теорий и специфику их воплощения в практике воспитания и обучения др.

Хрестоматия «История образования и педагогической мысли» способствует формированию мировоззрения, педагогической культуры и профессионализма будущих учителей. Ее содержание преследует следующие цели:

- помочь будущим педагогам сформировать систему знаний по истории развития теории и практики воспитания и образования;
- содействовать формированию у студентов педагогического мышления на основе освоения просветительских идей;
- создать условия для овладения студентами умениями анализа исторических и современных подходов к содержанию воспитания и образования в зарубежной и отечественной педагогике;
- раскрыть ведущие тенденции развития мирового образовательного процесса через первоисточники и документы.

Изучение представленного в хрестоматии материала способствует формированию у будущих специалистов следующих представлений:

- о роли педагогики в обществе, государстве, системе человеческих отношений;
- о тенденциях и закономерностях развития отечественной и зарубежной педагогики в контексте исторического знания, а также современных образовательных и воспитательных процессов;
- о сущности разносторонних связей между целями, задачами, содержанием воспитания и обучения и тенденциями, особенностями социально-культурного развития различных стран и народов;
- о структуре профессиональной деятельности преподавателя в области образования и воспитания подрастающего поколения на различных исторических этапах;
- многовекторности педагогических знаний в современных социально-экономических условиях, об основных тенденциях их развития.

Хрестоматийные материалы призваны помочь в усвоении следующих знаний:

- генезиса мирового историко-педагогического процесса;
- эволюции различных философско-педагогических подходов к воспитанию человека;
- основных этапов развития образования и педагогической мысли в Беларуси в контексте мирового педагогического процесса;

- исторических подходов к определению психолого-педагогической сущности обучения и воспитания: принципов, методов, средств, форм;
- исторических и современных подходов к определению сущности и методов гуманизации обучения и воспитания;
- философского, культурно-исторического, национального и мирового контекстов развития образования;
- сущности, содержания, структуры и принципов развития образовательных учреждений и процессов;
- психолого-педагогических закономерностей целостного педагогического процесса, исторических и современных методов воспитания и обучения.

Хрестоматийные материалы призваны способствовать формированию у студентов следующих навыков:

- библиографических;
- работы с книгой, учебником, пособиями и другими источниками психолого-педагогической информации;
- применения рациональных приемов поиска, отбора и использования историко-педагогической информации;
- реферирования, рецензирования историко-педагогической литературы, составления тезисов, резюме, схем;
- применения историко-педагогических знаний к современному процессу организации и проведения различных форм учебных занятий и воспитательных мероприятий.

Хрестоматия разработана согласно типовой программе «Педагогика: учебная программа для высших учебных заведений по специальностям профиля А Педагогика» (сост. А. И. Андарало [и др.]; утверждена Министерством образования Республики Беларусь 24 сентября 2008 г.; регистрационный № ТД-А 015/тип). Первоисточники распределены по темам раздела «История образования и педагогической мысли».

Авторы надеются, что материалы, приведенные в данном издании, помогут будущим педагогам:

- уяснить сущность взаимодействия общества и школы в различные исторические периоды;
- сформировать представления о школе и педагогике в целом как о двигателе культурной и общественной эволюции;
- усвоить основные педагогические идеи и концепции, совершенствовать навыки их объективного анализа;
- развить познавательный интерес к освоению педагогического наследия выдающихся педагогов прошлого.

Тема 1 ЗАРОЖДЕНИЕ ВОСПИТАНИЯ, ШКОЛЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ПЕРВОБЫТНОМ И РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВАХ

Демокрит

ФРАГМЕНТЫ О ВОСПИТАНИИ

- Ни искусство, ни мудрость не могут быть достигнуты, если им не учиться.
- Многие многознайки не имеют ума.
- Должно стараться не столько о многознании, сколько о всестороннем образовании ума.
- Лучшим с точки зрения добродетели будет тот, кто побуждается к ней внутренним влечением и словесным убеждением, чем тот, кто законом и силой. Ибо тот, кого удерживает от несправедливого [поступка] закон, способен тайно грешить, а тому, кто приводится к исполнению долга силой убеждения, не свойственно ни тайно, ни явно совершать что-нибудь преступное. Поэтому-то всякий, кто поступает правильно с разумением и с сознанием, тот вместе с тем бывает мужественным и прямолинейным.
- Учение вырабатывает прекрасные вещи только на основе труда, дурные же вещи сами собой производятся без труда. Ибо часто человека, у которого от природы весьма плохое состояние души, это заставляет помимо его воли быть дурным.
- Могут быть юноши умные и старики глупые. Ибо научает мыслить не время, но раннее воспитание и природа.
- Постоянное общение с дурными развивает дурные задатки.
- Благоразумие отца есть самое действительное наставление для детей.
- Природа и воспитание подобны. А именно воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает [ему вторую] природу.
- Если бы дети не принуждались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что наиболее укрепляет добродетель, – стыду. Ибо по преимуществу из этих занятий обычно рождается стыд.
- Воспитание есть украшение в счастье и прибежище в несчастье.
- Постоянный труд делается легче благодаря привычке.
- Хорошими люди становятся больше от упражнения, чем от природы.

- Дети скупых [родителей], если они выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами [поставленными вверх лезвиями]. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное [место], где следует поставить ноги. Однако трудно попасть в то единственное место, так как оставляют [место только для] подошвы ног. Точно так же и эти дети: если они уклонятся от следования отцовскому примеру – от [отцовской] заботливости и бережливости, то обыкновенно гибнут.

- От чего мы получаем добро, от того же самого мы можем получить и зло, а также средство избежать зла. Так, например, глубокая вода полезна во многих отношениях, но, с другой стороны, она вредна, так как есть опасность утонуть в ней. Вместе с тем найдено средство [избегнуть этой опасности] – обучение плаванию.

- У людей зло вырастает из добра, когда не умеют управлять и надлежащим образом пользоваться добром. Неправильно было бы подобные вещи относить к числу зол, [но должно] считать их благами. Добром можно пользоваться, если кто захочет, и для отражения зла.

- Воспитание детей – рискованное дело, ибо в случае удачи последняя приобретена ценою большого труда и заботы, в случае же неудачи горе несравнимо ни с каким другим.

Платон

ГОСУДАРСТВО

Книга VIII

6. Сократ: Хочешь, рассмотрим теперь, как появятся такие люди и как их можно вывести на свет, подобно тем, которые, по преданию, из обители Аида вознеслись к богам?

– Конечно, хочу.

– Это ведь будет, очевидно, не верчением черепка, а обращением души от дня, подобного ночи, к настоящему, т. е. восхождением к бытию, которое мы назовем истинной философией.

– Да.

– Не должны ли мы рассмотреть, какая наука обладает этим свойством?

– Конечно.

– Какая же наука, Главкон, влечет душу от мира становления к бытию? Мне сейчас приходит в голову еще вот что: не говорили ли мы, что этим людям в юности необходимо подвизаться на войне?

– Да, говорили.

- Значит, та наука, которую мы ищем, должна, кроме указанного свойства, обладать еще этим.
- Каким?
- Быть полезной воинам.
- Да, конечно, по возможности должна.
- В гимнастике и в музыке они были уже воспитаны раньше?
- Да.
- Но гимнастика имеет дело с возникающим и гибнущим; она ведь наблюдает за ростом и разрушением тела.
- Очевидно.
- Значит, она явно не может быть искомой нами наукой.
- Не может.
- А музыка, как мы ее раньше описали?
- Но ведь она, если помнишь, соответствовала гимнастике; она воспитывала стражей посредством навыков, прививая им путем гармонии гармоничность, а не знание, и путем ритма – ритмичность; нечто подобное заключали в себе и рассказы, как вымышленные, так и более близкие к истине. Науки же, полезной для чего-нибудь такого, что ты сейчас ищешь, в ней не было.
- Ты мне отлично это напомнил; действительно, в ней не заключалось ничего такого. Но, милый Главкон, что это будет за наука? Ведь все технические знания мы признали низменными?
- Конечно.
- Но какая же наука еще остается, если исключить музыку, гимнастику и технические знания?
- Если ты не можешь ничего выбрать вне их, возьмем что-нибудь, имеющее отношение к ним всем.
- Что же это?
- Например, то общее, чем пользуются и искусства, и рассуждения и науки и с чем каждый должен знакомиться прежде всего.
- Что же это такое?
- Простая вещь: различать одно, два и три. Я называю это кратко числом и счетом. Разве не правда, что каждое искусство и каждая наука неизбежно должны это усвоить?
- Даже очень.
- Значит, и военное искусство?
- Непременно.
7. Так не установим ли мы, что умение считать и рассчитывать является необходимым знанием для военного человека?
- Более чем что-либо другое, если он хочет что-либо понимать в тактическом искусстве или, вернее, если он хочет вообще быть человеком.

– Значит, ты того же мнения об этой науке, как и я?

– А именно?

– Что она, по-видимому, по своей природе принадлежит к ведущим к постижению того, что мы ищем, но никто не пользуется ею правильно, между тем как она всячески влечет к созерцанию бытия.

– Что ты имеешь в виду?

– Я постараюсь пояснить мою мысль. Противоречия в чувственных восприятиях ведут к мышлению: если, например, смотреть на три пальца, то зрения достаточно, чтобы установить что это пальцы, но в определении их качеств получаются противоречия: второй кажется большим по сравнению с первым и маленьким по сравнению с третьим и т. п. В таких случаях душа обращается за разрешением противоречия к мышлению.

8. Это-то я и имел сейчас в виду, говоря, что одни ощущения ведут к размышлению, другие – нет, определяя такие ощущения, которые передаются сознанию одновременно с противоположным себе, как ведущие к размышлению, а те, при которых этого не случается, как не пробуждающие мысли.

– Теперь я понимаю и согласен с тобой.

– А как тебе кажется, к которым из двух принадлежат число и единство?

– Не могу сообразить.

– Обдумай на основании только что сказанного. Если единство как таковое можно достаточно воспринимать зрением или каким-нибудь чувством, то оно, конечно, не будет толкать к познанию бытия, как мы это говорили по поводу пальцев. Если же вместе с ним мы всегда видим и его противоположность, так что ничто не представляется нам единым, не представляясь в то же время и многим, тогда, очевидно, требуется судья, и душа неизбежно недоумевает в таком случае, ищет, приводя в движение мысль, и спрашивает, что такое самое единство. Тогда учение о единстве окажется одним из тех, которые ведут и обращаются к созерцанию бытия.

– Действительно, этим свойством в сильной степени обладает зрительное восприятие единства, так как одно и то же мы одновременно видим как единство и как бесчисленное множество.

– А если это происходит с единицей, то же происходит и со всяким числом?

– Конечно.

– А не весь ли счет и арифметика имеют дело с числом?

– Конечно.

– И таким образом, они оказываются ведущими к истине?

– В сильной степени.

— Следовательно, они принадлежат, по-видимому, к тем наукам, какие мы ищем. Военному человеку их необходимо знать ради строя, а философу ради соприкосновения с бытием и выхода из мира становления, иначе он никогда не будет счислителем.

— Это верно.

— А наш страж – воин и философ.

— Да.

— Очевидно, следует, Главкон, законом ввести эту науку и убеждать тех, кому предстоит принять участие в руководстве государством, обратиться к счислению и взяться за него не в качестве дилетантов, но заниматься им до тех пор, пока они не достигнут созерцания одной только мыслью природы чисел, а также не в качестве купцов и торговцев ради купли и продажи, но ради войны и ради облегчения самой душе обращения от становления к истине и бытию.

— Ты прекрасно говоришь.

— Теперь только, после сказанного о счете, я вижу, как хороша эта наука и в скольких отношениях она полезна для наших целей, если только заниматься ею ради знания, а не ради торговли.

— В чем же именно?

— В том самом, о чем мы только что говорили: она сильно влечет душу ввысь, заставляя ее рассуждать о числах самих по себе, и не терпит, чтобы с ней рассуждали, указывая ей на числа, связанные с видимыми или осязаемыми телами. Ведь ты знаешь, что специалисты осмеивают человека, пытающегося на словах разделить единицу, и не соглашаются с ним, но если ты будешь делить ее, они будут множить, применяя меры против того, чтобы единица не показалась как-нибудь не единицей, а совокупностью многих частей.

— Совершенно правильно.

— Как ты думаешь, Главкон, если бы кто-нибудь спросил их: странные люди, о каких числах говорите вы, в которых единица такова, как вы предполагаете, равна всякой другой, ничем не отличается от нее и не имеет в себе никакой части? Как ты думаешь, что бы они ответили?

— Я думаю, они ответили бы, что говорят о таких числах, которые можно только мыслить, а относиться к ним как-нибудь иначе нельзя.

— Видишь, мой друг, что эта наука нам, по-видимому, действительно необходима, так как ясно, что она заставляет душу пользоваться одним только разумом для достижения самой истины.

— Действительно, она в сильной степени это делает.

— Ты, вероятно, замечал уже и то, что люди, обладающие от природы математическими способностями, оказываются восприимчивыми ко всем наукам, и несообразительные, будучи воспитаны на математике

и упражняясь в ней, даже если они не получают от этого никакой другой пользы, во всяком случае приобретают большую восприимчивость, чем имели раньше.

- Это действительно так.
- А кроме того, я думаю, нелегко найти науку, которая представляла бы такой труд изучающему и занимающемуся ею, как эта.
- Да.
- Ввиду всего этого не следует пренебрегать ею, но надо на ней воспитывать наиболее одаренных юношей.
- Согласен.

9. Это пусть будет у нас первым. Рассмотрим теперь второе, следующее за этим, подходит ли оно нам.

- Что именно? Или ты имеешь в виду геометрию?
- Именно.
- Поскольку она имеет отношение к военному делу, ясно, что она нам полезна: при устройстве лагеря, захвате местности, сосредоточении и развертывании войск и при всех остальных военных построениях как во время самих битв, так и в походах человек, знакомый с геометрией и незнакомый с нею, отличаются друг от друга.
- Но ведь для этого достаточно было бы малой части геометрии и счета. Надо рассмотреть, помогает ли большая и дальше идущая ее часть усматривать идею добра; а мы говорим, что этому помогает все, что заставляет душу обращаться туда, где находится самое блаженное из сущего, что она непременно должна видеть.
- Ты правильно говоришь.
- Таким образом, если она заставляет созерцать бытие, она нам полезна, если же становление – не полезна.
- Так мы утверждаем.
- Даже мало знакомые с геометрией не будут отрицать, что сущность этой науки совершенно противоположна тем выражениям, какие употребляют занимающиеся ею.
- Как?
- Их язык очень смешон и беден: как будто бы действуя и ради действия пользуясь словами, они говорят, что строят четырехугольник, удлиняют, складывают и произносят всякие подобные слова, между тем как вся эта наука существует ради познания.
- Безусловно.
- Не надо ли согласиться еще в следующем?
- В чем?
- Что она существует ради знания вечно сущего, а не того, что появляется и исчезает?

— В этом легко согласиться: геометрия есть, действительно, знание вечно существующего.

— А если так, почтеннейший, то она влечет душу к истине и создает философское настроение, заставляя обращать кверху то, что мы неправильно обращаем книзу.

— Да, более чем что-либо другое.

— Следовательно, более чем что-либо другое необходимо постановить, чтобы люди в твоём идеальном государстве ни в каком случае не оставались чужды геометрии. Ведь и побочное её значение немало.

— Какое?

— Да то, которое ты указал, — относящееся к войне; а также и по легкости усвоения других наук, как мы знаем, человек, знакомый с геометрией, всегда будет отличаться от незнакомого.

— Да, действительно, всегда.

— Итак, мы установим, чтобы она была второй наукой для юношей?

— Установим.

10. Теперь идем далее. Третьей мы постановим астрономию. Или ты иного мнения?

— Нет, я согласен. Ведь способность лучше узнавать времена месяца и года полезна не только для земледелия и мореплавания, но не менее того и для военного дела.

— Ты забавен. По-видимому, ты боишься, как бы толпе не показалось, что ты заставляешь изучать бесполезные науки. Главное же то — хотя этому и трудно поверить, — что благодаря этим наукам очищается и вновь воспламеняется орган души каждого человека, гибнущий и притупляющийся от других занятий, а между тем сохранить его ценнее, чем тысячу глаз, так как им одним созерцается истина. Разделяющие это мнение найдут твои слова удивительно хорошими, а неспособные это понять, конечно, решат, что ты говоришь бессмыслицу, так как они не видят от этих наук никакой другой, заслуживающей упоминания пользы. Реши же теперь, с каким из этих двух родов людей ты говоришь: или, может быть, ни с теми, ни с другими, а рассуждаешь главным образом ради самого себя, но охотно предоставляешь и другим, если кто может, извлекать из сказанного пользу.

— Я предпочитаю это последнее; ради самого себя главным образом говорить, и спрашивать, и отвечать.

— В таком случае, вернись назад; мы сейчас, очевидно, неправильно выбрали следующую ступень за геометрией.

— Каким образом?

— После плоскости мы взяли сразу тело в движении, не взяв его сначала само по себе; а правильно было бы вслед за вторым измерением взять третье, т. е. то измерение, которое имеется в кубах и обозначает глубину.

— Да, это так; но ведь это, Сократ, как будто еще не исследовано?

— Причина этого двоякая. Во-первых, так как ни одно государство не придает этому должного значения, то, как вещь трудная, она исследуется недостаточно энергично; во-вторых, исследователи нуждаются в руководителе, без которого они ее едва ли откроют, а такому руководителю, с одной стороны, трудно появиться, с другой, если бы он и появился, то в настоящее время исследователи этих вещей в своем самомнении не стали бы подчиняться ему. Но если бы все государство стало содействовать руководителю, окружая почетом эту науку, тогда и они бы подчинились и сущность этих вещей при непрерывном и напряженном искании обнаружилась бы. Ведь даже теперь, пренебрегаемая и урезываемая толпой, а также и исследователями, не понимающими, в чем заключается ее польза, эта наука все-таки вопреки всему этому развивается благодаря присущей ей красоте, и нет ничего удивительного, что она возникла.

— Действительно, в ней есть исключительная красота. Но выскажи яснее то, что ты сейчас говорил. Ведь геометрией ты назвал исследование плоскости?

— Да.

— А затем ты сначала установил после нее астрономию, а потом отказался от этого.

— Спеша поскорее все изложить, я только больше задержался. Между тем как следовало изучение глубины, я пропустил его, так как оно нелепо трактуется, и после геометрии назвал астрономию, которая занимается движением глубины.

— Правильно ты говоришь.

— Следовательно, мы поставим астрономию на четвертое место, предполагая, что, если государство возьмется за это, будет существовать та наука, которой теперь недостает.

— Вероятно, ты сейчас упрекнул меня, Сократ, за то, что я похвалил астрономию как необразованный человек; теперь я хвалю ее с той же точки зрения, с какой тыходишь к ней. Всякому, я думаю, ясно, что она заставляет душу взирать кверху и ведет ее от вещей, находящихся здесь, туда.

— Может быть, это всякому ясно, но не мне. Я думаю иначе.

— Но как же?

— Я думаю, что в том виде, в каком берутся за нее желающие вести людей к философии, она как раз заставляет смотреть вниз.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты, по-видимому, довольно возвышенно толкуешь науку о том, что наверху. Если кто-нибудь, подняв голову кверху и рассматривая украшения на потолке, что-нибудь увидит там, ты, пожалуй, тоже будешь считать, что он созерцает это разумом, а не глазами? Может быть, твое мнение правильно, а мое глупо, но я не могу считать, чтобы какая-нибудь другая наука заставляла душу обращаться кверху, кроме науки о бытии и невидимом; если же человек стремится познать что-либо чувственное, то безразлично, смотрит ли он с раскрытым ртом кверху или с закрытым книзу, я утверждаю, что он ничего не познает, так как никакого знания этих вещей не существует, и что душа его обращена не кверху, а книзу, хотя бы он изучал эти вещи, лежа на спине на земле или плавая по морю.

11. Ты заслуженно и правильно меня упрекнул. Но как же, по твоему мнению, надо изучать астрономию иначе, чем ее изучают теперь, чтобы изучение ее приносило ту пользу, какую мы имеем в виду?

— Вот как: эти небесные украшения так, как они видимы, надо считать самыми прекрасными и совершенными из видимых, но помнить, что им далеко до истинных, до тех движений, которые производят между ними истинная скорость и истинная медленность согласно истинному числу и по всем истинным фигурам, нося и все находящееся на них. А это постигается разумом и мыслью, а не зрением. Или ты думаешь, что зрением?

— Ни в каком случае.

— Таким образом, небесными украшениями надо пользоваться, как подобием того другого, с учебной целью так же, как если бы кто встретил геометрические фигуры, отлично нарисованные и выполненные Дедалом или каким-нибудь другим ремесленником или художником. Человек, знакомый с геометрией, увидя их, нашел бы, конечно, что они отлично сделаны, но тем не менее смешно серьезно смотреть на них, как будто в них можно усмотреть действительное равенство или удвоенную величину, или какое-нибудь другое соотношение величин.

— Конечно, это будет смешно.

— А разве ты не думаешь, что настоящий астроном будет испытывать то же самое, смотря на движение светил, а именно считать, что творец неба устроил его и все, что на нем, настолько прекрасно, насколько подобные вещи могут быть устроены? Однако разве он не сочтет странным человека, думающего, что отношение ночи к дню и их обоих к месяцу и месяца к году и других светил ко всему этому и друг к другу всегда остается одним и тем же, нисколько не изменяясь,

несмотря на то, что все они телесны и видимы? Разве он не сочтет нелепым всячески стараться постигнуть их истинную природу?

- Теперь, когда я тебя слушаю, мне кажется, что это так.
- Значит, мы и астрономию, как и геометрию, будем изучать ради тех задач, которые она ставит перед нами, а явления, происходящие на небе, оставим, если мы хотим, занимаясь действительно астрономией, сделать разумную от природы часть души полезной из бесполезной.
- Какую трудную задачу ставишь ты сравнительно с тем, чем занимается теперешняя астрономия!
- Я думаю, что мы и в остальном будем действовать так же, если хотим быть сколько-нибудь полезны как законодатели.

12. А ты какую подходящую науку можешь предложить?

- Никакой, по крайней мере, сейчас.
- Однако я думаю, что движение имеет не один вид, а несколько. Все их назвать в состоянии, может быть, только специалист; таких же, которые и для нас ясны, два.
- Какие именно?
- Кроме названного, противоположный ему.
- Какой?
- Как глаза направлены к астрономии, так, по-видимому, уши направлены к гармоническому движению, и обе эти науки родственны между собой, как говорят пифагорейцы, и мы с ними, Главкон, согласны. Или нет?
- Согласны.
- Итак, ввиду того что это вопрос трудный, не выслушаем ли мы, что они говорят об этом и, может быть, еще о чем-нибудь другом; но в то же время мы будем продолжать держаться нашего принципа.
- Какого?
- Чтобы наши воспитанники не изучали чего-нибудь из этого не до конца и не с той целью, к какой все должно стремиться, как мы сейчас говорили по поводу астрономии. Или ты не знаешь, что и по отношению к гармонии они делают то же самое? Соизмеряя друг с другом слышимые созвучия и звуки, они так же бесплодно трудятся, как и астрономы.
- Правда, при этом они употребляют такие смешные слова, как сгущения, и прикладывают уши, как бы желая уловить по соседству звук; и одни говорят, что слышат еще промежуточный звук и что это наименьший интервал, который надо принять за единицу измерения, другие утверждают, что струны звучат одинаково, и при этом оба отдают предпочтение ушам перед разумом.
- Ты говоришь о тех милых людях, которые, натягивая струны на колки, не дают им покоя и пытаются их, но чтобы не распространяться

о том, как, ударяя также смычком, они заставляют струны изображать то жалобу, то отказ, то страсть, – я буду ссылаться не на этих музыкантов, а на тех, о которых я сейчас сказал, что они расскажут нам о гармонии. Эти делают то же, что и занимающиеся астрономией, ищут чисел, заключающихся в слышимых созвучиях, а не подходят к задаче рассматривать, какие числа созвучны между собой и какие нет и почему происходит то и другое.

- Ты говоришь о какой-то удивительной вещи.
- Во всяком случае о вещи полезной при искании красоты и добра; если же заниматься ею иначе, она бесполезна.
- Вероятно.

13. Я думаю, что и занятие всеми названными нами науками, если оно приводит к объединению их между собой и родству и принимает в соображение то, что их сближает, ведет к нашей цели, и тогда труд затрачивается не бесполезно; иначе же он бесплоден.

- Я предполагаю то же, но ты говоришь, Сократ, о трудной вещи.
- Ты имеешь в виду прелюдию или что-нибудь другое? Ведь мы должны знать, что все сказанное – прелюдия к самой песне, которую надо выучить. Ты, надеюсь, не думаешь, что знающие названные нами науки – диалектики?
- Конечно, нет, или разве только очень немногие из тех, кого я встречал.
- А те, которые не способны давать и требовать ответа, будут ли, по твоему мнению, знать то, что, как мы сказали, они должны знать?
- Тоже нет.
- Значит, Главкон, это уже сама песня, которую исполняет диалектика. Этой мыслимой песне подражает зрение, о котором мы сказали, что оно стремится смотреть на самих животных, на сами светила и, наконец, на самое солнце. Так и тот, кто пытается обратиться к самой сущности каждой вещи при помощи диалектики без участия чувств, но путем разума, и не отступает, пока не постигнет одной только мыслью сущности добра, находится у самого предела мыслимого, как тот, о ком мы сейчас говорили, находится у предела видимого.
- Конечно.
- Что же? Не называешь ли ты этот путь диалектикой?
- Да.
- Освобождение от оков и обращение от теней к образам и к свету, выхождение из-под земли к солнцу и там первоначально невозможность смотреть на животных, на растения и солнечный свет, а только на божественные отражения в воде и на тени сущего, но уже не на тени образов, бросаемые светом, который по сравнению с солнцем сам является лишь образом, – вот в чем смысл занятия перечисленными нами науками;

оно возвышает лучшую часть души до созерцания лучшего в сущем, подобно тому как раньше самый светлый орган тела возвышался до созерцания самого ясного в телесном и видимом мире.

– Я согласен с этим; правда, мне кажется, что с этим очень трудно согласиться; с другой стороны, однако, трудно и не согласиться. Тем не менее, так как мы не сейчас только об этом слышим, но и впоследствии часто должны будем к этому возвращаться, допустив то, что сейчас сказано, перейдем к самой песне и разберем ее так же, как разобрали прелюдию. Скажи же, какова сущность диалектики, на какие виды распадается и каковы ее пути? Ведь это, вероятно, пути, ведущие туда, где человек достигает уже как бы отдыха и предела своего странствия?

– Ты, любезный Главкон, уже не будешь в состоянии следить за моей мыслью, хотя с моей стороны не было бы недостатка в готовности и ты увидел бы уже не образ того, о чем мы говорим, а самую истину, какой она мне, по крайней мере, представляется; а действительно ли это истина или нет, этого невозможно достоверно утверждать, а что нечто подобное будет истиной, это следует утверждать. Не так ли?

– Как же иначе?

– А также и то, что сила диалектики одна может открыть ее человеку, знающему то, о чем мы сейчас говорили; никакой другой науке это недоступно.

– И это следует утверждать.

– Никто не усомнится, во всяком случае в наших словах, что какой-то особый метод систематически пытается постигнуть сущность каждой вещи, остальные же науки имеют в виду или человеческие мнения и желания, или возникновение и составление, или заботу о том, что возникло и составилось; те же, о которых мы сказали, что они до известной степени касаются сущего, – геометрия и следующие за ней, – они, как мы видим, только грезят о сущем, наяву же им невозможно его увидеть, пока они, пользуясь гипотезами, оставляют их неприкосновенными, не будучи в состоянии обосновать их. Когда началом чему-нибудь служит неизвестное, конец и середина составляются также из неизвестного, – как подобное допущение может стать когда-нибудь знанием?

– Никак не может.

14. Итак, один только диалектический метод ведет, уничтожая гипотезы, к самому началу, чтобы утвердить его, и око души, зарытое, действительно, как бы в варварскую грязь, он постепенно толкает и поднимает вверх, пользуясь в качестве помощниц и проводниц упомянутыми раньше искусствами. Их мы часто по привычке называли науками, но им надо дать другое имя, которое указывало бы на нечто более ясное, чем мнение, по более смутное, чем наука; где-то раньше мы

называли их рассуждением; спорить об имени, мне кажется, не стоит людям, которым предстоит рассмотреть такие важные вещи.

– Конечно, не стоит.

– Согласимся же, как и раньше, первую часть называть наукой, вторую – рассуждением, третью – верой, четвертую – догадкой и две последние вместе – мнением, а две первые вместе – знанием. Мнение имеет дело со становлением, знание же – с бытием, и как бытие относится к становлению, так знание относится к мнению, и как знание к мнению, так наука – к вере и рассуждение – к догадке; а соотношение между собой того, к чему они относятся, представимого и познаваемого, и разделение того и другого на две части мы оставим, Главкон, чтобы такое деление не завлекло нас в еще более длинные рассуждения, чем предшествовавшие.

– Я согласен со всем, поскольку я мог усмотреть.

– Значит, ты называешь диалектиком человека, ищущего объяснения сущности каждой вещи! У кого такого объяснения нет, поскольку он не в состоянии отдать отчета себе и другим, постольку ты будешь отрицать за ним знание в этом отношении?

– Как же не отрицать?

– Не так же ли и относительно добра? О том, кто не может на словах определить идею добра, выделив ее среди всего другого, и кто, как бы в битве, отражая всякие опровержения и стремясь доказать свое мнение не при помощи того, что кажется, но того, что есть, не выйдет из всего того с непоколебимым убеждением, – о таком человеке ты скажешь, что он не знает ни самого добра, ни вообще чего-нибудь доброго. Если он уловит какой-нибудь образ его, то лишь в силу мнения, а не знания; ты скажешь, что он проводит эту жизнь в снах и грезах и раньше, чем проснуться здесь, придет в обитель Аида, чтобы там окончательно заснуть.

– Конечно, я непременно все это скажу.

– Ты не допустил бы, надеюсь, чтобы твои дети, которых ты теперь воспитываешь и учишь на словах, если бы ты когда-нибудь воспитывал их на самом деле, чтобы они имели власть в городе и распоряжались важнейшими делами, будучи бессловесны, как начерченные линии?

– Нет.

– Не установил ли бы ты закон, чтобы они получали главным образом такое воспитание, чтобы уметь как можно лучше задавать вопросы и отвечать?

– Установил бы вместе с тобой.

– Не кажется ли тебе, что диалектика, как ключевой камень, стоит наверху всех наук и никакой нельзя поставить выше ее, но что здесь уже их завершение?

– Кажется.

16. Итак, счисление и геометрию и все подготовительные науки, которые надо преподавать до диалектики, следует предлагать детям, но способ преподавания не должен быть насильственным.

– Почему?

– Потому, что ни одну науку свободный человек не должен изучать, как раб. Телесные упражнения, выполняемые даже против воли, нисколько не вредят телу, в душе же никакая насильственная наука не остается прочно.

– Правда.

– Поэтому не насильственно преподавай, милейший, детям науки, а посредством игры; тогда ты лучше увидишь, кто к чему склонен.

– То, что ты говоришь, довольно убедительно.

– Ты ведь помнишь, мы говорили, что детей надо водить и на войну, на конях, в качестве зрителей, а если не представляется опасности, то подводить близко и давать им отведать крови, как щенкам.

– Помню.

– И каждый, кто во всех этих трудах, науках и опасностях окажется впереди других, должен быть выделен.

– В каком возрасте?

– Когда они освободятся от необходимых гимнастических упражнений, так как в это время – длится ли оно два или три года – они не в состоянии заниматься ничем другим; утомление и сон враждебны учению; но в то же время и это немаловажное испытание, каким кто окажется в гимнастических упражнениях.

– Конечно.

– А после этого избранные из двадцатилетних получают большие почести, чем другие, и науки, преподававшиеся детям без системы, для них должны быть систематизированы, чтобы они могли обозреть их взаимное родство и природу сущего.

– Да, только такое учение будет прочно у всякого, кто его усвоит.

– И кроме того, это лучшее испытание, диалектик ли данный человек по природе или нет. Тот, кто в состоянии так обозреть науки с одной точки зрения, – диалектик, кто не в состоянии, – не диалектик.

– Я согласен с тобой.

– Тебе придется, сказал я, следить, кто из них окажется способным к этому, а также стойким в научных занятиях, стойким на войне и во всем, предписанном законами; таких ты должен будешь после тридцати лет выделить из избранных и дать им еще большие почести; ты должен будешь, испытывая их посредством диалектики, смотреть, кто из них способен, отрешившись от зрения и других чувств, в союзе с истиной

— Так вот, если к настроенному таким образом человеку явится Вопрос и спросит, что такое прекрасное, и, когда он ответит то, что привык слышать от законодателя, Разум его опровергнет и, многократно, различным образом опровергая, убедит, что это столь же прекрасно, сколь и постыдно, и также относительно справедливости и добра и всего того, что он особенно чтит, — как ты думаешь, каково будет после этого его уважение к этим вещам и повиновение им?

— Он неизбежно будет уже меньше уважать их и повиноваться им.

— А когда он перестанет считать это уважаемым и родным по-прежнему, а истины не найдет, вероятно ли, чтобы он обратился к какой-нибудь иной жизни, кроме прельщающей его?

— Невероятно.

— И окажется, я думаю, что из человека, живущего согласно с законом, он станет беззаконным.

— Неизбежно.

— Это — естественное состояние тех, кто так приступает к рассуждениям, и, как я только что сказал, они заслуживают снисхождения.

— И даже жалости.

— А для того чтобы тебе не пришлось жалеть тридцатилетних людей, не следует ли с большой осторожностью приступать к рассуждениям?

— Да, с очень большой.

— Не заключается ли один из видов этой осторожности, который надо постоянно соблюдать, в том, чтобы не позволять детям приобретать вкус к рассуждениям? Я думаю, ты замечал, что мальчики, впервые отведав рассуждений, злоупотребляют ими, как игрой, всегда пользуясь ими для противоречия; подражая обличителям, они сами обличают других, находя, подобно щенкам, удовольствие в том, чтобы в разговоре тянуть и рвать каждого встречного.

— Как же.

— А опровергнув многих и сами будучи опровергнуты многими, они очень быстро впадают в такое состояние, что перестают верить в то, во что раньше верили; вследствие этого и они сами и все, имеющие отношение к философии, приобретают у других дурную славу.

— Правда.

— А более взрослый человек не захочет участвовать в таком безрассудстве; он будет более подражать желающему заниматься диалектикой и познать истину, чем забавляющемуся и противоречащему ради игры; и сам он будет сдержаннее и занятие это сделает более уважаемым, а не менее.

- Ты правильно говоришь.
- Не ради этой ли осторожности сказано и все то, что мы говорили раньше, что к рассуждениям должны быть допущены только скромные и стойкие натуры, не так, как это бывает теперь, когда любой человек, часто даже совершенно непригодный, берется за них.
- Конечно.

Аристотель

ПОЛИТИКА

Книга VIII

1

1. Вряд ли кто будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этот предмет находится в пренебрежении, и самый государственный строй терпит оттого ущерб. Ведь для каждой формы государственного строя соответственное воспитание – предмет первой необходимости: каждая форма государственного строя отличается присущим ей характером, который обыкновенно и служит к сохранению самого строя и определяет его изначала, как, например, демократический характер строя – демократию, олигархический – олигархию. И всегда наилучший характер государственного строя обуславливает собой и более высокую его форму.

2. Далее, все (прирожденные) способности (человека), всякое практическое применение их для соответственной каждой из них работы нуждаются в предварительном воспитании и в предварительном принаравливании. Очевидно, все это необходимо и для проявления деятельности в духе добродетели. А так как все государство в его целом имеет в виду одну конечную цель, то, ясно, для всех граждан нужно тождественное воспитание, и забота об этом воспитании должна быть заботою государственною, а не делом частной инициативы. Теперь всякий печется о воспитании своих детей по-своему, каждый и учит их по-своему, как ему вздумается. На деле же то, что имеет в виду общий интерес, должно быть и делается сообща. Не следует, сверх того, думать, будто каждый гражданин – сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства. А забота о каждой частице, естественно, должна иметь в виду попечение о всем целом, вместе взятом.

3. В этом отношении можно одобрить лакедемонян: они прилагают очень большие заботы о воспитании детей, и оно носит у них общегосударственный характер. Итак, ясно, должны существовать узаконения, касающиеся воспитания, и последнее должно быть общим.

же образом в интересах чужих зачастую может оказаться поведением, свойственным наемнику и рабу. Распространенные ныне предметы обучения, как уже замечено выше, носят двойственный характер.

3. В настоящее время обычными предметами обучения являются следующие четыре: грамматика, гимнастика, музыка и иногда рисование. Из них грамматика и рисование изучаются как предметы, полезные в житейском обиходе и часто имеющие практическое применение; гимнастикой занимаются потому, что она способствует развитию мужества. Что касается музыки, то может, пожалуй, возникнуть сомнение (в пользу ее изучения), так как теперь большею частью занимаются музыкою только ради удовольствия. Но предки наши поместили музыку в число общеобразовательных предметов потому, что сама природа, как на это было указываемо неоднократно, стремится доставить нам возможность не только правильно направлять нашу деятельность, но и прекрасно пользоваться нашим досугом. А последний – мы снова подчеркиваем это – служит основным принципом всей нашей деятельности.

4. Если же необходимы и деятельность и досуг, и досуг должен быть в значительной степени предпочтен деятельности, то возникает вопрос, чем досуг этот нужно заполнить. Конечно, не игрой же, так как в таком случае она неизбежно оказалась бы конечною целью нашей жизни. Раз это невозможно, то играм должно скорее уделить место среди нашей деятельности: ведь трудящемуся человеку потребен отдых, а игра и существует ради отдохновения, деятельность же всякого рода влечет за собою напряженный труд. Поэтому игры должны иметь свое место, но при этом, назначая время игр, нужно пользоваться удобным для того моментом, так как они служат своего рода лекарством: движение при играх ведет к успокоению души и благодаря тому, что с игрою связано и развлечение, оно содействует ее отдохновению.

5. Но досуг, очевидно, включает уже в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь, и все это выпадает на долю не занятых людей, а людей, пользующихся досугом. Делаящий что-либо делает это ради чего-либо, так как цель им еще не достигнута, между тем как счастье само по себе есть цель, и оно соединяется в представлении всех людей не с горем, но с наслаждением. Однако это наслаждение не все еще признают тождественным для всех; каждый определяет наслаждение в соответствии со своей индивидуальностью и присущими ей свойствами; наилучший человек предпочитает, конечно, наилучшее наслаждение, то, которое проистекает из наилучших его свойств. Отсюда ясно, что для умения пользоваться досугом в жизни нужно кое-чему научиться, кое в чем воспитаться и что как это воспитание, так и это обучение включает цель

в самих себе, между тем как то обучение, которое признается необходимым для применения его к деловой жизни, имеет в виду другие цели.

6. Поэтому-то и наши предки поместили музыку в число общеобразовательных предметов, не как предмет необходимый (никакой настоящей необходимости в обучении музыке нет) и не как предмет общепользительный вроде грамотности, которая нужна и для ведения денежных дел, и для домоводства, и для научных занятий, и для многих отраслей государственной деятельности. И рисование также, очевидно, изучается потому, что оно приносит пользу при лучшей критической оценке художественных произведений, как, в свою очередь, гимнастика служит к укреплению здоровья и развитию физических сил. Ничего подобного занятия музыкой не дают. Поэтому остается принять одно, что она служит для заполнения нашего досуга и с этою-то целью она, очевидно, и введена в обиход воспитания. В самом деле (те, кто вводит музыку в число предметов воспитания), полагают, очевидно, что она служит интеллектуальным развлечением свободнорожденных людей. Поэтому-то и Гомер выразился так: «Только его одного приглашать надлежит к богатому пиру»; он говорит также и о других, кого следует приглашать, и продолжает: «Кто приглашает певца, который всех услаждает». В другом месте Одиссей говорит, что наилучшим времяпрепровождением бывает такое, когда среди веселящихся людей «гости в домах по чину сидят, песнопевцу внимая».

3

1. Итак, ясно, имеется и такого рода воспитание, которое родители должны давать своим сыновьям не потому, чтобы оно было практически полезно или необходимо для них, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно. Входит ли в круг этого воспитания один предмет или их несколько, и каковы они, и как (они должны быть поставлены), о всем этом мы скажем впоследствии. Теперь же из наших предварительных указаний достаточно выяснилось, что уже древние свидетельствуют в пользу нашего мнения об обычных предметах воспитания; музыка подтверждает это и с фактической стороны. Сверх того, (в пользу нашего мнения говорит следующее): детей следует обучать общепользительным предметам не только в интересах получаемой от этого пользы – таково, например, обучение грамоте, но и потому, что благодаря этому обучению возможно бывает сообщить им целый ряд других сведений.

2. Так обстоит дело с рисованием: и его изучают не ради того, чтобы не впасть в ошибку при своих собственных покупках или чтобы не подвергнуться обману при покупке и продаже домашней утвари, но рисование изучают потому, что оно развивает глаз при определении физической красоты. Вообще, искать повсюду лишь одной пользы всего

справедливости, ремесленников. Они делают детей полезными только для разрешения одной из задач, связанных с ролью человека в государстве, но и в этом отношении, как показывают наши соображения, они поступают хуже других. Судить о всем этом нужно не по фактам прошлого, а по фактам настоящего: теперь у лакедемонян есть соперники по части гимнастического воспитания, а ранее у них таких соперников не было.

Плутарх

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Ликург

XIV. Начиная воспитание, в котором он видел самое важное и самое прекрасное дело законодателя, издавелека, Ликург сперва обратился к вопросам брака и рождения детей. Аристотель не прав, утверждая, будто Ликург хотел было вразумить и наставить на истинный путь женщин, но отказался от этой мысли, не в силах сломить их своеволие и могущество — следствие частых походов, во время которых мужья вынуждены бывали оставлять их полными хозяйками в доме, а потому и оказывали им уважение большее, чем следовало, и даже называли «госпожами». Нет, Ликург в меру возможности позаботился и об этом. Он укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья, чтобы и зародыш в здоровом теле с самого начала развивался здоровым, и сами женщины, рожая, просто и легко справлялись с муками. Заставив девушек забыть об изнеженности, баловстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых священных обрядов на глазах у молодых людей. Случалось им и отпускать остроты, метко порицая провинности, и воздавать в песнях похвалы достойным, пробуждая в юношах ревнивое честолюбие. Кто удостоивался похвалы за доблесть и приобретал известность у девушек, удалялся, ликуя, а колкости, даже шуточные и остроумные, жалили не менее больно, чем строгие внушения: ведь поглядеть на это зрелище вместе с остальными гражданами приходили и цари и старейшины. При этом нагота девушек не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распущенности, напротив, она приучала к простоте, к заботам о здоровье и крепости тела, и женщины усваивали благородный образ мыслей, зная, что и они способны приобщиться к доблести и почету. Оттого и приходили к ним слова и мысли, подобные тем, какие произнесла, говорят, однажды Горго, жена Леонида. Какая-то женщина, видимо, чужестранка, сказала ей: «Одни

Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон. Считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой.

XVII. В этом возрасте у лучших юношей появляются возлюбленные. Усугубляют свой надзор и старики: они посещают гимнасии, присутствуют при состязаниях и словесных стычках, и это не забавы ради, ибо всякий считает себя до некоторой степени отцом, воспитателем и руководителем любого из подростков, так что всегда находилось, кому вразумить и наказать провинившегося. Тем не менее из числа достойнейших мужей назначается еще и педоном – надзирающий за детьми, а во главе каждого отряда сами подростки ставили одного из так называемых иренов – всегда наиболее рассудительного и храброго (иренами зовут тех, кто уже второй год как возмужал, меллиренами – самых старших мальчиков). Ирен, достигший двадцати лет, командует своими подчиненными в драках и распоряжается ими, когда приходит пора позаботиться об обеде. Большим он дает наказ принести дров, малышам – овощей. Все добывается кражей: одни идут на огороды, другие с величайшей осторожностью, пуская в ход всю свою хитрость, пробираются на общие трапезы мужей. Если мальчишка попадался, его жестоко избивали плетью за нерадивое и неловкое воровство. Крали они и всякую иную провизию, какая только попадалась под руку, учась ловко нападать на спящих или зазевавшихся караульных. Наказанием попавшимся были не только побои, но и голод: детей кормили весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости. Вот какое воздействие оказывала скудость питания; впрочем, как говорят, действовала она и еще в одном направлении – увеличивала рост мальчиков. Тело вытягивается в высоту, когда дыхание не стеснено слишком утомительными трудами и, с другой стороны, когда тяжкий груз пищи не гонит его вниз и вширь, напротив, когда в силу своей легкости дух устремляется вверх; тогда-то человек и прибавляет в росте легко и быстро.

Так же, по-видимому, создается и красота форм: худоба, сухощавость легче сообразуется с правильным развитием членов тела, грузная полнота противится ему. Поэтому, бесспорно, и у женщин, которые, нося плод, постоянно очищают желудок, дети рождаются худые, но миловидные и стройные, ибо незначительное количество материи скорее уступает формирующей силе. Однако более подробно причины этого явления пусть исследуют желающие.

XVIII. Воруя, дети соблюдали величайшую осторожность; один из них, как рассказывают, украв лисенка, спрятал его у себя под плащом, и, хотя зверек разорвал ему когтями и зубами живот, мальчик, чтобы скрыть свой поступок, крепился до тех пор, пока не умер. О достоверности

этого рассказа можно судить по нынешним эфебам: я сам видел, как не один из них умирал под ударами у алтаря Ортии.

Закончив обед, ирен кому приказывал петь, кому предлагал вопросы, требующие размышления и сообразительности, вроде таких, как: «Кто лучший среди мужей?» или «Каков поступок такого-то человека?» Так они с самого начала жизни приучались судить о достоинствах сограждан, ибо, если тот, к кому был обращен вопрос: «Кто хороший гражданин? Кто заслуживает порицания?», не находил, что ответить, это считали признаком натуры вялой и равнодушной к добродетели. В ответе полагалось назвать причину того или иного суждения и привести доказательства, облекши мысль в самые краткие слова. Того, кто говорил невпопад, не обнаруживая должного усердия, ирен наказывал – кусал за большой палец. Часто ирен наказывал мальчиков в присутствии стариков и властей, чтобы те убедились, насколько обоснованны и справедливы его действия. Во время наказания его не останавливали, но, когда дети расходились, он держал ответ, если кара была строже или, напротив, мягче, чем следовало.

И добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные. Рассказывают, что когда однажды какой-то мальчик, схватившись с товарищем, вдруг испугался и вскрикнул, власти наложили штраф на его возлюбленную. И хотя у спартанцев допускалась такая свобода в любви, что даже достойные и благородные женщины любили молодых девушек, соперничество было им незнакомо. Мало того, общие чувства к одному лицу становились началом и источником взаимной дружбы влюбленных, которые объединяли свои усилия в стремлении привести любимого к совершенству.

XIX. Детей учили говорить так, чтобы в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызвали пространные размышления. Как уже сказано, Ликург придал железной монете огромный вес и ничтожную ценность. Совершенно иначе поступил он со «словесной монетою»: под немногими скупыми словами должен был таиться обширный и богатый смысл, и, заставляя детей подолгу молчать, законодатель добивался от них ответов метких и точных. Ведь подобно тому как семя людей, безмерно жадных до соитий, большею частью бесплодно, так и несдержанность языка порождает речи пустые и глупые. Какой-то афинянин насмеялся над спартанскими мечами – так-де они коротки, что их без труда глотают фокусники в театре. «Но этими кинжалами мы отлично достаем своих врагов», – возразил ему царь Агид. Я нахожу, что речь спартанцев при всей своей внешней краткости отлично выражает самую суть дела и остается в сознании слушателей.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 пенью соловья. «Я слышал самого соловья», – отказался тот. Другой спартанец, прочтя эпиграму: «Те, кто пожар тирании тушить попытались, погибли; Медный Арес их настиг у селинутских ворот», заметил: «И поделом: надо было дать ей сгореть дотла». Какой-то юноша сказал человеку, обещавшему дать ему петухов, которые бьются до последнего издыхания: «Оставь их себе, а мне дай таких, что бьют противника до последнего издыхания». Еще один юноша, увидев людей, которые опорожняли кишечник, сидя на стульчаке, воскликнул: «Хоть бы никогда не довелось мне сидеть на таком месте, которое невозможно уступить старику!». Таковы их изречения и памятные слова, и не без основания утверждают некоторые, что подражать лаконцам – значит прилежать душою скорее к философии, нежели к гимнастике.

XXII. Пению и музыке учили с не меньшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи, но и в песнях было заключено своего рода жало, будившее мужество, нечто, увлекавшее душу восторженным порывом к действию. Слова их были просты и безыскусны, предмет – величав и нравоучителен. То были в основном прославления счастливой участи павших за Спарту и укоры трусам, обреченным влачить жизнь в ничтожестве, обещания доказать свою храбрость или – в зависимости от возраста певцов – похвальба ею. Нелишним будет поместить здесь для примера одну из подобных песен. В праздничные дни составлялись три хора – стариков, мужей и мальчиков. Старики запевали:

Когда-то были мы могучи и сильны
 Мужи в расцвете сил подхватывали:
 А мы сильны теперь – коль хочешь, испытай!
 А мальчишки завершали:
 Но скоро станем мы еще сильнее вас.

Вообще, если кто поразмыслит над творениями лаконских поэтов, из которых иные сохранились до наших дней, и восстановит в памяти походные ритмы мелодий для флейты, под звуки которой спартанцы шли на врага, тот, пожалуй, признает, что Терпандр и Пиндар были правы, находя связь между мужеством и музыкой. Первый говорит о лакедемонянах так:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,
 Правда повсюду живет...
 А Пиндар восклицает:
 Там старейшин советы;
 Копья юных мужей в славный вступают бой,

убивают сопротивляющихся, но щадят отступающих, находили более полезным для себя бежать, чем оставаться на месте.

XXIV. Воспитание спартанца длилось и в зрелые годы. Никому не разрешалось жить так, как он хочет; точно в военном лагере, все в городе подчинялись строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не себе самим, но отечеству, спартанцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь полезному, либо сами учились у стариков. Ведь одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом им было строго-настрого запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу. Землю их возделывали илоты, внося назначенную подать. Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность и осужденный возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорченными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление. Вот до какой степени низким и рабским считали они всякий ручной труд, всякие заботы, сопряженные с наживой! Как и следовало ожидать, вместе с монетой исчезли и тяжбы; и нужда и чрезмерное изобилие покинули Спарту, их место заняли равенство достатка и безмятежность полной простоты нравов. Все свободное от военной службы время спартанцы посвящали хороводам, пирам и празднествам, охоте, гимнасиям и лесхам.

Марк Фабий Квинтилиан

О ВОСПИТАНИИ ОРАТОРА

Книга первая

Глава I

Первоначальное воспитание детей до поступления их в школу

Как только родится сын, отец должен с того же самого времени возложить на него самые лучшие надежды. Это сделает его более заботливым с самого начала. Ведь мы несправедливо жалуемся, будто бы природа весьма немногим людям дала способность к наукам и будто бы большинство, по своему тупоумию, напрасно тратит труд и время. Напротив, мы найдем немало число людей восприимчивых и способных к учению. Это заключается в природе человека: как от природы дано птицам летать, коням бегать, диким зверям быть свирепыми, так нам

горечь, не страшился ее и в зрелом возрасте. Учение должно быть для него забавою; надо поощрять его то просьбами, то похвалами, доводить его до того, чтобы он радовался, когда что-нибудь выучит, и завидовал, когда станут учить другого, если сам вздумает полениться; чтобы соперничал в успехах со своими сверстниками и часто считал себя победителем; для этого не лишни и награды, которые для этого возраста бывают заманчивы.

Я не могу одобрить обыкновения заставлять детей заучивать названия и порядок букв, не показав им прежде начертания или вида их. Это мешает успеху, потому что, зная наизусть буквы, они меньше внимания обращают на вид их, чем на то, что уже у них в памяти; по этой причине учащие должны не всегда показывать им буквы в обыкновенном, но иногда и в обратном и в различном порядке, пока учащиеся не станут различать их по виду, а не по порядку, подобно тому как различают людей и по лицу и по имени. Но в отношении слогов или складов надо поступать иначе.

Я не осуждаю известного способа заохочивать детей к учению, т. е. давать им вместо игрушки буквы, сделанные из слоновой кости, или что-нибудь другое, чем бы ребенок мог заняться с удовольствием.

Когда же дети начнут учиться письму, то не худо бы давать им дощечки с искусно вырезанными на них буквами, чтобы по черточкам, как по бороздкам, ходил стиль; удерживаемый с обеих сторон, он бы не скользил, как бывает на воску, и дитя путем постоянного подражания научится писать тверже и чище. Тут не нужна и помощь учителя, который водил бы его рукою. Писать скоро и чисто – дело немаловажное, хотя о нем не заботятся иногда достойные люди. Так как среди других занятий письмо составляет особенное упражнение, от которого только и получается истинный и прочный успех, то медленность в этом деле много вредит живости ума, а дурной и неисправный почерк затмевает смысл; от этого происходит новый труд, так как нужно самому пересказать снова то, что понадобится переписать ...

Глава II

Лучше ли учить детей дома или следует отдавать в училища?

Представим, что дитя мало-помалу подросло и, выйдя из-под надзора нянек, должно заняться уже настоящим учением. Здесь следует обсудить вопрос: полезнее ли обучать мальчика дома, в семейном кругу, или же лучше посылать его в училище и поручать заботам общественных наставников? Знаю, что самые знаменитые законодатели и выдающиеся писатели высказались за общественное воспитание. Но нельзя, однако, обойти молчанием, что некоторые отвергают этот почти всеобщий обычай.

его превзойти. Таким образом, можно надеяться постепенно достигнуть и больших успехов.

К этому прибавлю еще, что и сами учителя не могут говорить перед одним учеником с таким жаром и силою, какими бывает проникнута их речь в многолюдном собрании. Настоящим очагом красноречия служит душа; для нее нужно возбуждение, нужно, чтобы она наполнялась образами и сливалась, так сказать, с теми предметами, о которых говорим. И чем благороднее и возвышеннее душа, тем сильнее должны быть те двигатели, которые служат для ее возбуждения; поэтому похвала возвышает ее, борьба увеличивает ее силы, и она всегда стремится к великому. Мы чувствуем какое-то тайное отвращение к проявлению пред одним слушателем своего красноречия, которое приобретает такими большими трудами; даже стыдно бывает отступать тогда от обыкновенной речи. И в самом деле, представим себе человека, который пред одним учеником стал бы говорить со всеми ораторскими приемами, громким голосом, с особого рода жестами и произношением, одним словом, со всем напряжением душевных и телесных сил – не покажется ли он похожим на безумного?

Как распознавать способности детей и как обходиться с ними

Благоразумный наставник прежде всего должен узнать свойства ума и характера поручаемого ему ученика. Особенный признак ума в малолетних есть память; ее действие двойное: скоро понимать и не забывать, что поняли. К этому следует прибавить подражание, которое также указывает на способности ребенка, но надо смотреть, чтобы он обращал этот дар на то, чему его учат, а не на то, чтобы живо представлять собою лица, в которых заметит какие-нибудь недостатки. Я не могу быть хорошего мнения о том ребенке, который старается только смешить таким подражанием. Переимчивое дитя должно быть вместе с тем и добрым, а иначе пусть останется лучше с медленным, чем со злым, умом. Но я здесь под именем доброго отнюдь не имею в виду ребенка неразвязного и вялого во всем. Тот, кого я в данном случае представляю себе, без труда должен понимать учение, обращаться иногда и с вопросами, но чаще следовать за учителем, чем предупреждать его. Скороспелые умы, как преждевременные плоды, почти никогда вполне не созревают. Их можно узнать по той легкости, с какой они исполняют незначительные труды; они смелы и на первых же порах обнаруживают то, к чему они способны. Но силы их не обширны: они, например, при чтении легче разбирают слова, произносят их смело и без запинки. Они делают мало, но скоро; тут нет настоящей силы, нет

Тема 2 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Эразм Роттердамский

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ

В недавние дни, возвращаясь из Италии в Англию и не желая, чтобы время, проводимое на лошади, расточалось в пустых разговорах, чуждых музам и литературе, я либо размышлял о совместных ученых занятиях, либо наслаждался мысленно, вспоминая о покинутых друзьях, столь же ученых, сколь любезных моему сердцу. Между ними и ты, милый Мор, являлся мне в числе первых: вдали от тебя я не менее наслаждался воспоминаниями, нежели, бывало, вблизи – общением с тобою, которое, клянусь, слаще всего, что мне случалось отвесть в жизни. И вот я решил заняться каким-нибудь делом, а поскольку обстоятельства не благоприятствовали предметам важным, то и задумал я сложить похвальное слово Глупости. [...]

Глупость говорит:

Глава I

Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех. ... Подобно тому как утреннее солнце, показывающее земле свой прекрасный золотой лик, или как ранняя весна, веющая приятными зефирами после суровой зимы, всему сообщают новый цвет и вид и новую юность, так и у вас при взгляде на меня совсем иными сделались лица. В то время как даже великие риторы лишь при помощи длинной, старательно обдуманной речи понуждают вас стряхнуть с души тяжелые заботы, я достигла этого сразу, единым моим появлением. [...]

Глава III

Воистину не забочусь я нисколько о тех любомудрах, которые провозглашают дерзновеннейшим глупцом всякого, кто произносит хвалы самому себе. Ладно, пусть это будет глупо, если уж им так хочется, – лишь бы зазорно не было. Кому, однако, как не Глупости, больше подобает явиться трубачом собственной славы и самой себе подыгрывать на флейте? Кто может лучше изобразить меня, нежели я сама? Разве что тот, кому я известна ближе, нежели себе самой! Сверх того, действуя таким образом, я почитаю себя скромнее большинства великих и мудрых мира сего.

Глава XXII

Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит? Сговорится ли с другими тот, кто сам с собой в разладе? Какой приятности ждать от того, кто сам себе опостылел и опротивел? Никто, полагаю, не дерзнет утверждать, будто нечто подобное возможно, – разве что будет глупее самой Глупости. Попробуйте отвергнуть меня – и не только все прочие люди станут вам несносны, но и каждый из вас себе самому сделается мерзок и ненавистен. Природа во многих смыслах скорей мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особливо тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.

А из-за этого вся сладость, все обаяние жизни оскверняются и погибают. Какой толк от красоты, высшего дара бессмертных богов, если она поражена гнилью? Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали? Каким образом можешь ты действовать и в своих и в чужих глазах изящно и благовидно (а благовидность – основа не одних только искусств, но и всех дел человеческих). [...] Что может быть глупее самовлюбленности и самолюбования? Но что изящное или приятное можешь ты сделать, ежели сам себе будешь в тягость? Отними у жизни эту приправу, и ледяным холодом встречен будет оратор со своей речью, никому не угодит своими мелодиями музыкант, освистана будет игра актера, осмеян заодно с Музами поэт, впадет в ничтожество с искусством своим живописец, отощает от голода, сидя на своих лекарствах, врач. [...]

Глава XXXI

Ежели поглядеть на наш мир с высоты небес, как смотрит, по рассказам поэтов, Юпитер, скольких бед исполнена жизнь человеческая: жалкое и грязное рождение, мучительное воспитание, детство, сопряженное с бесчисленными обидами, юность, обремененная бесчисленными трудами, тяжкая старость, суровая неизбежность смерти, целая рать болезней, множество несчастных случайностей и житейских невзгод – повсюду мед отравлен желчью! Не стану уж вспоминать, сколько зла причиняет человек человеку! Бедность, тюрьма, позор, бесчестие, пытки, мятежи, интриги, злословие, тяжбы, обманы... Но не пытаюсь ли я, в самом деле, исчислить песок морской? Негоже рассуждать здесь о том, какими грехами навлекли на себя люди все эти бедствия или какой гневный бог осудил их рождаться для горя и скорбей. [...]

Но я, обращаясь к помощи то невежества, то бездумья, даруя забвение всех зол и надежду на лучшее будущее, щедро окропляя людей медвяной росой наслаждения, так успешно помогаю им в бедах, что никто не желает расставаться с жизнью, прежде чем не кончилась нить Парок и жизнь сама не оставила тела; чем меньше у человека причин дорожить существованием, тем крепче он за него цепляется, не подозревая даже, что такое пресыщение и тоска. [...]

Глава XLIV

[...] В наши дни лесть почитается чем-то постыдным, но так судят лишь те, для которых названия вещей имеют больше значения, нежели самые вещи. Они полагают, что лесть несовместима с верностью; но они заблуждаются – даже животные служат примером обратного. Кто лстивее пса? И кто его вернее?

Найдется ли животное ласковее белки, и кто так легко, как она, становится другом человека? Или, быть может, для совместной жизни с людьми более пригодны суровые львы, свирепые тигры, неистовые леопарды? Есть, правда, и пагубный вид лести, при помощи которого иные коварные насмешники доводят несчастных до гибели. Но моя Колакия рождается от добродушия и простосердечия и более сходствует с добродетелью, нежели противные ей суровость и угрюмство, столь несносные и докучливые, по слову Горациеву. Она ободряет упавших духом, увеселяет печальных, поднимает расслабленных, будит оцепенелых, больных исцеляет, свирепых умягчает, любящих сближает, а сблизив, удерживает в единении. Она побуждает отроков к усвоению наук, веселит старцев; под видом похвал и без обиды увещевает и научает государей. В общем, благодаря ей каждый становится приятнее и милее самому себе, а ведь в этом и состоит наивысшее счастье. [...]

Лесть – это мед и приправа во всяком общении между людьми.

Глава XLV

Но ведь заблуждаться – это несчастье, говорят мне; напротив, не заблуждаться – вот величайшее из несчастий! Весьма неразумны те, которые полагают, будто в самих вещах заключается людское счастье. Счастье зависит от нашего мнения о вещах, ибо в жизни человеческой все так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя знать наверное... [...]. А если знание порой и возможно, то оно нередко отнимает радость жизни. Так уж устроена человеческая душа, что более прельщается обманами, нежели истиною.

Ежели кто потребует от меня наглядных и убедительных примеров, я посоветую ему посетить храм или общественное собрание. Когда речь ведется о предметах важных, все спят, зевают и томятся. Но стоит только орущему (виновата, я хотела сказать – ораторствующему) рассказать какую-нибудь дурацкую, смешную историю (а это случается нередко), все оживляются, подбадриваются, наостряют уши.

Итак, счастье зависит не от самих вещей, но от того мнения, которое мы о них составили. К вещам доступ труден, даже к самым легким, вроде грамматики, а мнения усваиваются легко и просто, и их одних с избытком хватает для достижения счастья. [...]

ДОМАШНИЕ БЕСЕДЫ

XXI. МНЕМОНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ¹

Дезидерий. Эразмий

Дезидерий. Как подвигаются твои занятия, Эразмий?

Эразмий. Очевидно, музы мне не сочувствуют; но они пошли бы гораздо удачнее, если бы я мог кое-чего добиться от тебя.

Дезидерий. Добьешься всего, что только может быть тебе полезным; лишь скажи, в чем дело.

Эразмий. Я не сомневаюсь, что нет ни одной самой сокровенной науки, которая была бы тебе неизвестна.

Дезидерий. О, если бы слова твои были правдой!

Эразмий. Я слышу, что есть некая мнемоническая наука, позволяющая человеку с самой малой затратой труда изучить все свободные науки.

Дезидерий. Что я слышу? Ты видел такую книгу?

Эразмий. Видел, но только видел, так как не мог найти человека, который объяснил бы мне ее.

Дезидерий. Что содержала в себе эта книга?

Эразмий. Разные формы животных, драконов, львов, леопардов и различные кружки и написанные на них слова, частью греческие, частью латинские, частью еврейские и другие на варварских языках.

Дезидерий. Во сколько дней обещало заглавие книги познание наук?

Эразмий. В четырнадцать.

Дезидерий. Бесспорно, великолепное обещание, но знаешь ли ты людей, сделавшихся при посредстве мнемонического искусства учеными?

Эразмий. Совсем не знаю.

Дезидерий. И никто другой никогда не видал, да и не может увидеть, разве только после того, как мы увидим, что кто-нибудь при посредстве алхимии сделался богатым.

Эразмий. Я предпочитал бы, чтобы это искусство было истинным.

Дезидерий. Может быть, потому, что тебе не хочется приобретать знания ценой огромного труда.

Эразмий. Конечно.

Дезидерий. А между тем, так угодно всевышним. Все эти общедоступные блага – золото, драгоценные камни, серебро, дворцы, трон – они иногда даруют людям бездельным и того не заслуживающим, но что касается истинных благ, благ, действительно нам принадлежащих, то они соизволили, чтобы блага эти приобретались трудом. И не должен казаться нам

¹ Эта небольшая сатира направлена против шарлатанов, обещающих своими уроками и учебниками обучить всем наукам в две недели.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 тягостным труд, которым приобретает такое ценное достояние, когда мы видим, что очень многие люди подвергаются ужасным опасностям и берут на себя неслыханные труды, чтобы добиться выгод временных и в сравнении с образованием поистине ничтожных; и все-таки они не всегда достигают того, к чему стремятся. При этом же к научным трудам примешано много сладости, если сделаешь в этой области небольшой шаг вперед. Да и от тебя самого в значительной степени зависит сократить скуку на добрую половину.

Эразмий. Каким образом?

Дезидерий. Прежде всего настрой себя на любовь к наукам. Затем старайся их ценить.

Эразмий. Как это сделать?

Дезидерий. Думай о том, сколь многих науки обогатили, сколь многих довели до самого высокого и авторитетного положения; вместе с тем подумай о разнице между человеком и скотом.

Эразмий. Хороший совет.

Дезидерий. Затем ты должен приучить свой ум сосредоточиваться и интересоваться тем, что приносит скорее пользу, чем удовольствие. Ибо то, что само по себе прекрасно, вначале даже бывает несколько тягостно, но от привычки становится сладостным; благодаря этому ты все меньше и меньше будешь утомлять наставника и сам будешь легче усваивать, по Исократовскому изречению, которое следовало бы золотыми буквами написать на фронтисписе твоей тетради: ean eis philomathes, eseī polymathes. (Если ты будешь любознательным, то будешь многознающим).

Эразмий. Я усваиваю довольно быстро, но скоро забываю усвоенное.

Дезидерий. Значит, ты своего рода дырявая бочка.

Эразмий. Почти что так. Но какое же средство?

Дезидерий. Надо заткнуть дыру, чтобы она не протекала.

Эразмий. Чем?

Дезидерий. Не мхом и не гипсом, но прилежанием. Кто учит слова, не понимая их смысла, тот их быстро забывает, ибо слова, как сказал Гомер, pteroenta (крылатые) и легко улетают, если их не уравновесить значением. Итак, первая забота должна заключаться в том, чтобы вполне понять значение, а затем все время упражняться и повторять; далее, как было сказано, надо приучить душу к тому, чтобы в случае надобности она могла сосредоточенно мыслить. Ибо тот, у кого ум настолько первобытен, что не может быть к этому приучен, совсем не годится для науки.

Эразмий. Насколько это трудно, – я слишком хорошо понимаю.

Дезидерий. У кого ум настолько поверхностен, что не в состоянии надолго остановиться на одной мысли, тот не может долго слушать говорящего и закрепить в своей памяти выученное. На свинце можно выдавить нечто такое, что осталось бы на месте, но на воде и на ртути, веществах постоянно текучих, выдавить ничего нельзя. И вот если ты

Во время плавания кормило вверяется не тому, кто превосходит прочих родовитостью, богатством или красотой, но тому, кто выше в искусстве управления кораблем, бдительности и надежности. Так и царство лучше всего вверить тому, кто опережает остальных в царских дарованиях – в мудрости, справедливости, душевной умеренности, предусмотрительности и усердном рдении об общем благе.

Знатные предки, золото, самоцветы имеют ничуть не большее значение для управления обществом, чем богатство судовладельца для управления кораблем.

Как государю в управлении, так и народу при выборе государя следует стремиться к одной цели, – разумеется, к общему благу, а личные пристрастия оставить в стороне. [...]

Там, где государем становятся не в результате выбора, а по праву рождения, как, по свидетельству Аристотеля, некогда было в обычае у некоторых варварских народов и в наши времена принято почти повсюду, там особая надежда на доброго государя зависит от правильного воспитания, к которому надо подходить со всей тщательностью, чтобы то, от чего освобождает право выбора, уравнивалось прилежным обучением. Поэтому пусть сразу же, как говорится, с самых пеленок, еще чистый незрелый ум будущего государя будет заполнен благотворными суждениями, пусть в целину детской души неизменно бросают семена чести, которые понемногу, с возрастом и с приобретением опыта, будут разрастаться, вызревать и, однажды внедренные, укоренятся на всю жизнь. Ведь не остается и не воспринимается полностью ничего, что не было заложено в самые первые годы; то, что мы тогда усвоили, имеет большое значение для всех, а для государя – еще большее.

Где нет власти избирать государя, там с равным прилежанием пусть выбирают того, кто будет наставлять будущего государя.

Можно только возносить молитвы, чтобы родился государь, наделенный благими дарованиями. Но чтобы хороший от рождения впоследствии не испортился либо чтобы не столь хороший от рождения стал лучше благодаря воспитанию – это отчасти зависит от нас.

Некогда в государстве был обычай воздвигать статуи и триумфальные арки, делать почетные надписи, чтобы выказать благодарность заслуженным людям. Никто так не достоин подобных почестей, как те, кто преданно и ревностно выполнял достойный труд воспитания государя и искал не частной выгоды, но пользы для отечества.

Все отечество в долгу перед добрым государем. А он сам в долгу перед тем, кто сделал его таким своими благими наставлениями.

Нет более подходящего времени для формирования и исправления государя, чем то, когда он сам еще не осознал себя государем. Итак, этим

разнузданность возраста, а любезность нрава смягчила и сделала более привлекательной сдержанную суровость.

Наставнику будущего государя должно быть таким, чтобы (как изящно выразился Сенека) он знал и как отругать подопечного без поношения, и как похвалить без раболепия, таким, которого тот одновременно и почитал бы за строгий образ жизни, и любил за веселый нрав.

Некоторые государи с великим старанием ищут, кому бы им вверить попечение о прекрасном коне, птице или собаке, однако считают, что не имеет никакого значения, кому они поручают воспитывать сына, зачастую доверяя его таким наставникам, каким ни один сколько-нибудь рассудительный простолюдин не захотел бы поручить своих детей. Но что значит родить сына для власти, если ты не позаботишься научить его властвовать?

Рожденного для власти следует доверять не любым кормилицам, но безупречным и умелым, приставлять к нему не каких попало товарищей по играм, но добрых, скромных и одаренных мальчиков, которых растили и воспитывали в свободе и благочестии. Толпу безрассудных, хмельных и порочных юношей, а прежде всего – льстецов, следовало бы держать вдали от его ушей и глаз, пока дух его не укрепитя под влиянием наставлений.

Нрав большинства смертных тяготеет ко злу, и в свою очередь нет столь счастливой от рождения природы, которая не портилась бы из-за неудачного воспитания. Чего, как не великого зла, ты ожидаешь от того государя, который, с какими бы дарованиями ни родился и, несмотря на предков, которые являли бы образец царствования, с самых пеленок был отравлен низменными суждениями, был воспитан среди глупых баб, возмужал среди распущенных девиц, среди пропащих сотоварищей, среди презреннейших льстецов, среди шутов и комедиантов, среди собутыльников и игроков, а также вблизи безумных и негодных охотников за удовольствиями, среди которых ни о чем не слышал, ничему не научился, ничего не усвоил, кроме веселья, удовольствий, спеси, высокомерия, алчности, вспыльчивости, тиранства, и, пройдя эту школу, сразу же был призван править царством.

В то время как из прочих искусств наилучшее оказывается и наиболее трудным, и нет ничего прекраснее и ничего труднее, чем хорошо править, почему для них одних мы не желаем никакого учения, но довольствуемся тем, что они родились?

Я спрашиваю, как, если не подобно тиранам; будут поступать взрослые люди, которые в детстве играли как тираны?

Едва ли можно желать, чтобы все были добрыми. Но не трудно из стольких тысяч людей избрать одного-другого, отличающегося честностью и мудростью, а благодаря таким людям многие сделались бы добрыми.

Молодой государь долго вызывает подозрения самим своим возрастом, отчасти из-за неопытности в делах, отчасти – из-за

неумеренных душевных порывов; пусть он опасается, как бы ни взяться за какое-либо важное дело иначе, чем по совету разумных людей, в особенности стариков, с которыми ему следует постоянно общаться, чтобы юношеская необузданность умерялась почтением к старшим.

Кто бы ни взял на себя задачу наставления государя, тот пусть подумает и о том, что ему предстоит дело отнюдь не обыденное, но во всех отношениях как чрезвычайно великое, так и чрезвычайно опасное. И в первую очередь пусть укрепит дух, чтобы стать достойным этого поприща, и поразмыслит не о том, сколько званий сможет получить благодаря этому, но о том, сможет ли предоставить хорошего государя отечеству, возложившему на него свою надежду.

Подумай, наставник, скольким ты обязан отечеству, которое вверило тебе все свое благополучие. От тебя зависит, приготовить ли ему исцеление от зла или же наслать на него чуму и моровую язву.

Прежде всего пусть как следует поразмыслит тот, кто отдает своего сына на попечение государства, когда дни его уже клонятся к закату. Насколько сможет, пусть уже в этом возрасте различит признаки того, склонен ли он к гневу или надменности, к честолюбию и жажде славы, к плотским утехам, игре или погоне за деньгами, к мщению и войне, к необузданности или тирании. Как только почувствует, что тот проявляет склонность к пороку, пусть сразу укрепит его дух целительными правилами и подобающими наставлениями и постарается еще податливую натуру привлечь к противоположным привычкам. Далее, как заметит, что натура тяготеет к достойному или определенно к пороку такого рода, который легко повернуть на путь добродетели, к каковому роду, возможно, относятся честолюбие и расточительность, пусть тем больше усердствует и поможет прирожденным достоинствам воспитанием.

Не достаточно передать ему такого рода правила, которые либо отвлекают от безнравственного, либо призывают к честному: следует их вбивать, следует ими пичкать, следует их внушать, и использовать новые и новые способы оживления памяти: изречение, басню, подобие, пример, остроумное высказывание, поговорку; следует сделать надписи на кольцах, нарисовать картины, изобразить родовые древа, и, если есть что еще, что нравится его возрасту, использовать это, чтобы они встречались ему повсюду, даже когда он занимается чем-либо другим.

Примеры знаменитых мужей чрезвычайно воспламеняют благородные души, но гораздо больше значит то, какие суждения они усваивают. Ведь из этих источников вытекают все представления о жизни. Если нам попадется грубый мальчик, тогда надо будет постараться, чтобы он сразу усвоил наиболее правильное и благотворное, словно принял некое лекарство от отравы низких суждений. Если же достанется лишь слегка

испорченный плебейскими суждениями, тогда прежде всего следует позаботиться о том, чтобы он понемногу освободился от них; а вместо искорененной пагубы следует насадить благотворное. [...]

Пусть наставник не пугается и не отчаивается, если ему случайно попадется натура более свирепая или упрямая. Ведь нет столь дикой, столь чудовищной скотины, которую не приручит забота и старание укротителя, так почему он считает эту человеческую натуру столь грубой и столь пропащей, что прилежное воспитание не смягчит ее?

Пусть он также и не думает, что можно не спешить, если ему повстречается более счастливая натура. Ведь от природы лучшая почва тем скорее портится и зарастает сорными травами, если земледелец теряет бдительность. Точно так же человеческая натура, которая оказалась более счастливой, более благородной и правильной, подвергается тем большим и тем более ужасным превращениям, если не будет усовершенствована целительными наставлениями.

Мы привыкли тщательно укреплять те берега, которые испытывают на себе всю силу мощнейших течений. Не счесть того, что может отвлечь души правителей от правильного пути: высокое положение, богатство, роскошь, удовольствия, свобода, с которой ему дозволяется все, что угодно, примеры великих, но неразумных государей, сами кипение и натиск людских дел, сверх всего же – раболепие, надевшее личину верности и прямоты. Тем тщательнее надо будет вооружить его против этого самыми лучшими правилами и примерами достойных похвалы государей.

Не одной кары заслуживает тот, кто отравит общественный колодезь, откуда пьют все, столь же вреден и тот, кто отравит душу государя дурными суждениями, которые сразу же принесут стольким людям множество бед.

Если платится головой тот, кто испортит государеву монету, какой кары достоин тот, кто испортит натуру государя?

Пусть наставник берется за свое дело по зрелом размышлении, чтобы оросить идеями еще нежные ростки понятий, в то время как душа его будет далека от всех пороков, а в чем-то пусть смирит указующим перстом еще податливый характер. Есть и у мудрости свое детство, так же, как и у благочестия. Надо поступать всегда одинаково, но с каждым учеником по-иному. Уже тогда с милой детской сказкой, веселым рассказом, остроумным сравнением пусть прокладывает себе путь то, чему он после будет наставлять его в более великом и серьезном деле. [...]

Множество людей следует ложным суждениям, уподобляясь тем, кто, скованный, спускается в Платонову пещеру и бесплотные тени вещей принимает за истинные вещи. Долг хорошего правителя – не восхищаться ничем из того, что делает человека великим, по мнению черни, но отделять

Чернь стремится к тому, чтобы государю были чужды плебейский образ жизни и питания, а истинному государю не меньше следует стремиться к тому, чтобы ему были чужды низменные суждения и страсти черни, ведь это побудит его испытывать низменные, жалкие и недостойные чувства вместе с чернью, которую никогда не привлекает лучшее.

Подумай, прошу, насколько нелепо, что золотые перстни, пурпурную мантию и остальное убранство, печати, изображения предков, все эти блага, очевидно не имеющие к тебе отношения, ставятся так высоко, а многие воистину благие душевные качества рассматриваются чернью как нечто низшее, подобное осадку. Государь, который являет своим гражданам золотые перстни, пурпур и прочую роскошь, чему другому, я спрашиваю, научит своих подданных, как не взирать на это с восхищением, откуда со всей очевидностью берет исток все зло, которое наказывается законами государя?

У других рачительность и опрятность могут быть данью бедности или бережливости, даже если кто и посчитает их чрезмерными. А в государе то же самое не может быть ничем иным, нежели свидетельством умеренности, того, что он привык к скромности, и, сколько может себе позволить, столько и желает.

Разве подобает ему предаваться тому же пороку, который он сам наказывает? И разве не величайший позор, когда кто-то позволяет себе то, что запрещает другим?

Если ты хочешь показать себя выдающимся государем, смотри, чтобы кто-либо не превзошел тебя в твоих собственных достоинствах: мудрости, великодушии, умеренности и честности. Если тебе будет угодно соперничать с другими государями, считай себя выше других не тогда, когда отнимешь у кого-то из них часть владений или рассеешь их богатства, но когда станешь более честным, чем они, менее алчным, менее спесивым, чем они, менее гневливым, менее безрассудным, чем они.

Государю подобает вся полнота благородства. Таким и будь. Воистину, есть три вида благородства: первый складывается из добродетели и правильных поступков; второй происходит из знания наиболее достойных наук; третий, о котором судят по происхождению, родовому древу или по богатству. Подумай, насколько недостойно государя кичиться низшим видом благородства, который настолько ничтожен, что вообще ничего не значит и может только увести его от добродетели, и пренебрегать высшим, который настолько прекрасен, что только им и можно обладать с полным правом.

Если стремишься прославиться, не выставляй скульптурные или живописные изображения, в которых если и есть что похвалить, так это заслуга художника, талант и усердие которого они доказывают. Гораздо лучше памятники добродетели, воздвигнутые добрым нравом. [...]

Франсуа Рабле

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

Книга I

Глава XXIII

О методе, применявшейся Понократом, благодаря которой у Гаргантюа не пропадало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решился обучить его наукам иначе, однако же на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы и с помощью этого снадобья излечил его больной мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, – так же точно поступил Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание заниматься по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж, по имени Анагност, родом из Баше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к богу, славил его и молился ему, ибо священное писание открывало перед ним его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

занимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал, коему принадлежит обширный труд, посвященный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, – Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии, астрономии и музыке. В то время как их желудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические законы.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым туреньским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжеловоза, на испанского или же на берберийского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то занимался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать барьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, – но только не копьа (что может быть глупее такого хвастовства: «Я сломал десять копий на турнире или же в бою», – да это сумеет сделать любой плотник!), – нет, честь и слава тому, кто одним копьем сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копьем, крепким, негнущимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня – в мгновение ока и не касаясь земли

(такие лошади назывались дезультиарными), в любую сторону, держа в руке копьё; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, её опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнирного.

Кроме того, он владел пикой, эспадроном для обеих рук, длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он, верхом на коне, на оленей, косуль, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой Мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, – он перепрыгивал через канавы, перемахивал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копьё.

Плавал в глубоких местах на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавливал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по канатам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбегал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копьё, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротою и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекладину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и вперед, – ноги на весу, – да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен на Монмартре. Даже голос Стентора во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две громадные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, – он их называл гирями; он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, – уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желающих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травю месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Гален, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажа по имени Ризотом, ведавшего также полостьюными тяпками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инструментами, необходимыми для правильной гербаризации.

Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилён и продолжителен, и уже тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
 мастерам и, всем давая на выпивку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и евангелических проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия несколько не хуже, а пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательнейшим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и нежирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не сказались отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем оказывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шангильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантон, в Вана или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали, играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из Георгии Вергилия, из Гесиода, из Рустика Полициано, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рондо или же баллады. [...]

Мишель Монтень

ОПЫТЫ

Глава XXVI

О воспитании детей

*Госпоже Диане де Фуа,
графине де Гюрсон*

...Приемы, к которым обращаются в земледелии до посева, хорошо известны, и применение их не составляет труда, как, впрочем, посев; но едва то, что посеяно, начнет оживать, как перед нами великое разнообразие этих приемов и множество трудностей, необходимых, чтобы его взрастить. То же самое и с людьми: невелика хитрость посеять их; но едва они появились на свет, как на вас наваливается целая куча самых разнообразных забот, хлопот и тревог, как же их вырастить и воспитать.

Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и стольких других! До чего не похожи были они на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности, люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, чего те как следует усвоить не в состоянии. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах следует неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем «Государстве» чрезмерно большое значение... Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы,

буквы и слоги заменяют сущность вещей. Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это только держать в памяти то, что ей дали на хранение. А тем, что знаешь по-настоящему, ты вправе распорядиться, не оглядываясь на хозяина, не кося глазами на книгу. Ученость чисто книжного происхождения – жалкая ученость! Я считаю, что она украшение, но никак не фундамент; в этом я следую Платону, который говорит, что истинная философия – это твердость, верность и добросовестность; прочие же знания и все, что направлено к другой цели, не более, как румяна.

...Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его мышцы. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. Я-то хорошо знаю, как тяжело приходится моей душе в компании со столь нежным и чувствительным, как у меня, телом, которое постоянно ищет ее поддержки. И, читая различных авторов, я не раз замечал, что то, что они выдают за величие духа и мужество, в гораздо большей степени свидетельствует о толстой коже и крепких костях. Мне доводилось встречать мужчин, женщин и даже детей, настолько нечувствительных от природы, что удары палкою значили для них меньше, чем для меня щелчок по носу: получив удар, такие люди не только не вскрикнут, но даже и бровью не поведут. Когда атлеты своею выносливостью уподобляются философам, то здесь скорее сказывается крепость их мышц, нежели твердость души. Ибо привычка терпеливо трудиться – это то же, что привычка терпеливо переносить боль. Нужно закалять свое тело тяжелыми и суровыми упражнениями, чтобы приучить его стойко переносить боль и страдания от вывихов, колик, прижиганий и даже от мук тюремного заключения и пыток. Ибо надо быть готовым и к этим последним; ведь в иные времена и добрые порой разделяют участь злых. Мы хорошо знаем это по себе!

...Что до той школы, которой является общение с другими людьми, то тут я нередко наталкивался, на один обычный порок: вместо того чтобы стремиться узнать других, мы хлопочем только о том, как бы выставить себя напоказ, и наши заботы направлены скорее на то, чтобы не дать залежаться своему товару, нежели чтобы приобрести для себя новый. Молчаливость и скромность – качества, в обществе весьма ценные. Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые им будут накоплены; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

общепринятых обычаев. Пусть он избегает придавать себе заносчивый и надуманный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не гонится он за известностью человека, который бранит все и вся и пыжится выдумать что-то новое... Следует научить ребенка вступать в беседу или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее точным, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее – независимо от того, открылась ли она его противнику или озарила его самого. Ведь ему не придется подыматься на кафедру, чтобы читать предписанное заранее. Ничто не обязывает его защищать мнения, с которыми он не согласен.

...Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться; что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их – свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным душам и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора – качества редкие, ценные и свойственные философам.

Его следует также наставлять, чтобы, бывая в обществе, он присматривался ко всему и ко всем, ибо я нахожу, что наиболее высокого положения достигают обычно люди не слишком способные и что судьба осыпает своими дарами отнюдь не самых достойных. Так, например, я не раз наблюдал, как на верхнем конце стола, за разговором о красоте какой-нибудь шпалеры или о вкусе мальвазии, упускали много любопытного из того, что говорилось на противоположном конце. Он должен добраться до нутра всякого, кого бы ни встретил, – пастуха, каменщика, прохожего; нужно использовать все и взять от каждого по его возможностям, ибо все, решительно все пригодится, – даже чьи-либо глупость или недостатки содержат в себе нечто поучительное. Оценивая достоинства и свойства каждого, юноша воспитает в себе влечение к их хорошим чертам и презрение к дурным.

Пусть его душе будет привита благородная любознательность; пусть он осведомляется обо всем без исключения; пусть осматривает все примечательное, что только ему ни встретится, будь то какое-нибудь

здание, фонтан, человек, поле битвы, происходившей в древности, места, по которым проходили Цезарь или Карл Великий.

Пусть он осведомляется о нравах, о доходах и связях того или иного государя. Знакомиться со всем этим весьма занимательно и знать очень полезно.

В это общение с людьми я включаю, конечно, и притом в первую очередь, и общение с теми, воспоминание о которых живет только в книгах. Обратившись к истории, юноша будет общаться с великими душами лучших веков. Подобное изучение прошлого для иного – праздная трата времени; другому же оно приносит неоценимую пользу. История – единственная наука, которую чтит, по словам Платона, лакедемоняне. Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописания нашего милого Плутарха? Пусть, однако, мой воспитатель не забывает, в чем его основная задача; пусть он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть. Пусть он преподаст юноше не столько события, сколько умения судить о них. Это, по-моему, в ряде прочих наук именно та область знаний, к которой наши умы подходят с самыми разнообразными мерками. Я вычитал у Тита Ливия сотни таких вещей, которых иной не приметил; Плутарх же – сотни таких, которых не сумел вычитать я, и, при случае, даже такое, чего не имел в виду и сам автор. Для одних это чисто грамматические занятия, для других – анатомия философии, открывающая нам доступ в наиболее сокровенные закоулки нашей натуры.

...За примерами могут с удобством последовать наиболее полезные философские правила, к которым надлежит прикладывать для проверки человеческие поступки. Пусть наставник расскажет своему питомцу, что означает: знать и не знать; какова цель познания; что такое храбрость, воздержанность и справедливость; в чем различие между жадностью и честолубием, рабством и подчинением, распущенностью и свободой; какие признаки позволяют распознавать истинное и устойчивое довольство; до каких пределов допустимо страшиться смерти, боли или бесчестия, какие пружины приводят нас в действие и каким образом в нас возникают столь разнообразные побуждения, ибо я полагаю, что рассуждениями, долженствующими в первую очередь напитать его ум, должны быть те, которые предназначены внести порядок в его нравы и чувства, научить его познавать самого себя, а также жить и умереть подобающим образом.

...Даже игры и упражнения – и они станут неотъемлемой и довольно значительной частью обучения: я имею в виду бег, борьбу, музыку, танцы, охоту, верховую езду, фехтование. Я хочу, чтобы благовоспитанность, светскость, внешность ученика совершенствовались вместе с его душой. Ведь воспитывают не одну душу и не одно тело, но всего человека: нельзя расчленять его надвое. И, как говорит Платон, нельзя воспитывать то и другое порознь; напротив, нужно управлять ими, не делая между ними различия, так, как если бы это была пара впряженных в одно дышло коней. И, слушая Платона, не кажется ли нам, что он уделяет и больше времени и больше старания телесным упражнениям, считая, что душа упражняется вместе с телом, а не наоборот?

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками. Если вы хотите, чтобы ребенок боялся стыда и наказания, не приучайте его к этим вещам. Приучайте его к поту и холоду, к ветру и жгучему солнцу, ко всем опасностям, которые ему надлежит презирать; отводьте его от изнеженности и разборчивости; пусть он относится с безразличием к тому, во что он одет, на какой постели спит, что ест и что пьет: пусть он привыкнет решительно ко всему. Пусть не будет он маменькиным сыночком, похожим на изнеженную девицу, но пусть будет сильным и крепким юношей. В юности, в зрелые годы, в старости я всегда рассуждал и смотрел на дело именно так. И наряду со многими другими вещами порядки, заведенные в большинстве наших коллежей, никогда не нравились мне. Быть может, вред, приносимый ими, был бы значительно меньше, будь воспитатели хоть немножко снисходительней. Но ведь это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи. Там развивают в ней развращенность, наказывая за нее прежде, чем она действительно проявилась. Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков – криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева. Можно ли таким способом пробудить в детях охоту к занятиям, можно ли с такой страшной рожей, с плеткой в руках руководить этими пугливыми и нежными душами? Ложный и губительный способ! [...] Насколько пристойнее было бы усыпать полы классных комнат цветами и листьями вместо окровавленных ивовых прутьев! [...]

Томазо Кампанелла

ГОРОД СОЛНЦА

Собеседники: Главный гостиник и Мореход из Генуи

Гостиник

Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

Мореход

Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном плавании... во время которого был вынужден сойти на берег...

Гостиник

Ну, а там что с тобой приключилось?

Мореход

Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца.

Гостиник

Скажи мне, как устроен этот город и какой в нем образ правления?

Мореход

Образ правления. Верховный правитель у них – священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в брэнном и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

Ведение правителя Мощи. В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведение правителя Мудрости. Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астроном, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

они считают за действительно существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви – и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно; мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели; видел я там Моисея, Озириса, Юпитера, Меркурия, Ликурга, Помпилия, Пифагора, Замолксия, Солона и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтят и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря, Александра, Пирра, Ганнибала и других достославных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом римлян, изображения которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по всему свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно их занимает. Узнал я там и то, что китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведение правителя Любви. Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище,

одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные...

Гостиник

Скажи, а какой у них порядок выбора должностных лиц?

Мореход

Об одежде, воспитании и выборах. Этого ты как следует не поймешь, прежде чем не познакомишься с их образом жизни. Прежде всего, да будет тебе известно, что мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин не доходит до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы, спустя некоторое время, занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего, – каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с большим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько

Тема 3 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ПО XIII В.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господя ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». [...]

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», – снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и

и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего. Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди. [...]

ИЗ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (1910 г.)

По старому обычаю ребенка начинали учить грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ приглашалъ тогда ближайшихъ родственниковъ и советовался съ ними, не время ли сына отдать въ «книжное наученіе». Послѣ этого приглашали священника и служили молебень покровителю науки св. пророку Науму и тому святому, именемъ котораго назывался сынъ. При этомъ мальчика окропляли святою водою, священникъ говорилъ соотвѣтствующее наставленіе, а отецъ и мать благословляли сына, напутствовали его и совѣтовали слушаться учителя и хорошо учиться. Затѣмъ отецъ и родственники шли къ «мастеру». Сдѣлавъ послѣднему поклоны и поздоровавшись, приступали къ уговору, – чему учить мальчика, сколько и чѣмъ платить. Сговорившись, отецъ ученика и «мастеръ» били по рукамъ, послѣ чего мальчикъ поступалъ въ полное распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, ученикъ получалъ букварь, доставалъ указку и садился на указанное ему учителемъ мѣсто за столомъ и начиналъ «книжное ученіе». Это было тяжелое ученіе, о которомъ теперь даже и представить себѣ не могутъ.

Лѣтъ 500–400 тому назадъ буквари и книги были рукописные, а печатные явились лѣтъ триста тому назадъ. Учиться по рукописнымъ букварямъ и книгамъ, написаннымъ различными почерками, это была чистая каторга. Сплошь да рядомъ научившійся читать далеко не могъ осилить каждую тогдашнюю книгу, а обыкновенно справлялся только съ извѣстными книгами, преимущественно съ псалтирью и часословомъ, которые зубрили наизусть.

Когда ученикъ, преодолевъ псалтирь, приступалъ къ часослову, его начинали обучать письму, которое стоило дороже, чѣмъ обученіе чтенію, и доставалось съ большимъ еще трудомъ.

Бумага въ то время стоила очень дорого и, кромѣ того, надо было обзавестись гусиными перьями и научиться чинить ихъ перочиннымъ ножикомъ. Обученіе, письму состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что передъ учениками клали пропись и заставляли копировать ее.

Суровые учителя не любили долго разьяснять непонятное для учениковъ, а чуть что прямо давали подзатыльники и наказывали розгами и плетью. Въ тѣ времена розги не только не считались позорнымъ наказаніемъ, унижающимъ человѣческое достоинство, а считались необходимымъ спутникомъ просвѣщенія и даже восхвалялись.

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—
 Въ начале одной изъ тогдашнихъ книгъ была прописана такая похвала розгѣ:

«Въ предисловіи место сіе полагаемъ:
 Розгою Духъ Святой дѣтище бити велить,
 Розга убо ниже мало здравіи вредить.
 Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
 Учитъ молитве и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творить,
 Розга божественнаго писанія учитъ.
 Розга, аще бьетъ, но не ломитъ кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою, аще мать и отецъ часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляетъ душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учитъ дѣлать вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ поучаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати, еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на выю его скоро увиютъ.
 Вразуми, Боже, матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей быти ронители,
 Благослови, Боже, оныя лѣса,
 Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
 Малымъ дѣтямъ розга черемховая двоюлѣтняя,
 Сверстнымъ же березовая къ воумиленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезль къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги измлада возрастетъ,
 Старости не достигнетъ удобъ скончится.

**Тема 4 ВОСПИТАНИЕ, ШКОЛА
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В БЕЛАРУСИ В IX–XVIII вв.**

Франциск Скорина

**ПРЕДОСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА
В КНИГИ ИУДИФ-ВДОВИЦИ**

...По смерти пак Цирове царствовал ест Камвизей, сын его. Того, ставячи на царство, прозвали суть Навходносором. Той захотел не токмо царем быти, но и богом, яко же пишеть о нем во книзе сей. И для тое речи послал ест з войском Олоферна, воеводу своего, абы подбил вси земли под власть его. Евреи пак в том, не хотячи послухати, спротивишеся ему. И тако Олоферн, вшед в землю их, обляже наипервей град Вефулию. И с того града вышедши жена-вдовица, именем Июдиф, от нея же называется книга сия, отсече главу Олофернову, избави людей Израилевых от руку его.

А для того царь Навходносор или Камвизей, его же Ездра называет во книгах своих Арътаксерсос, заповедал евреом, абы не будовали храму господня в Ерусалиме. А то ся делало пред нарожением нашего спасителя Иуса Христа из пречистое богородици девици Марии лет пятьсот тридесять и девять.

Потом на вселенском соборе в Никии святыми отци дозволена нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом, яко зерьцало, жену сию преславную пред очима имеюще, в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали.

Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають. Прото ж и сия вдовица Иудиф для места рождения своего выдала ест живот свой на небезпеченство. Но господь бог для доброго умыслу ея помог ей, яко непобедимого от людей победила. [...]

ПРЕДЪСЛОВИЕ
ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА
ВО ВСЮ БИВЛИЮ РУСКАГО ЯЗЫКА

...В сей книзе все прироженое мудрости зачало и конецъ; бог вседержитель познавай бываетъ. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства, душевные и телесные, зуполне найдете. Ту навчение философии добронравное, яко любити бога для самого себе и ближнего для бога, имама. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое доброе помножено бываетъ. Ту научение седми наук вызволены достаточное.

Хощеши ли умети граматику или, по-русски говорячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, найдеши в зуполной Бивлии, Псалтыру, чти ее. Пакли ти ся любить разумети логику, – она же учить з доводом розознати правду от кривды, – чти книгу светого Иова или Послания светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Саломоновы. А то суть три науки словесные. Восхощеш ли пак учитися музыки, то ест певници, премножество стихов и песней светлых по всей книзе сеи найдеши. Любо ли ти ест умети аритметику, еже вократце, а неомылне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-русски сказуется землемерение, чти книгу Исуса Наувина; естли астрономии или звездочети – найдеш на початку книги сее о сотворении солнца, и месеца, и звезд; найдеш во Исусе Наувине, яко стояло солнце на едином месте за целый день; найдеш во книгах Царств, иже солнце воспать поступило неколико ступнев; найдеш во светом Еувангелии о новосотвореной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. Более воистинну чудитися превеликой божиеи моци мусиш, нижли учитися. А то суть седми наук вызволенных.

Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей или книги Махавеев. Более и справедливее в них найдеш, нежели во Александрии или во Тройи.

Пак ли же вократце сведати хощеши много тысецей лет летописецъ, чти книги Паралипомена. Там, поченши от Адама, даже до Седехии, останочного царя Иудина, роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости, добрых нравов, часто прочитай книги Исуса Сирахова, а Притчи Саломоновы. [...]

Николай Гусовский

ПЕСНЯ О ЗУБРЕ

[...] Княжий указ, охраняющий мать и потомство,
 Преумножает тем самым сокровища края.
 И на червонное золото народ наш сокровища эти
 Не разменяет. Его убеждение твердо:
 Наши леса – это кладезь бездонный богатства,
 Благо страны. Караваны судов чужеземных
 К нам приплывают, блистая заморским товаром.
 Щедрая влага из кладезей этих природы
 Теплым дождем выпадает на тучные пашни.
 В реках от самых верховьев до устьев широких –
 Лес на плаву, он – как мост между землями княжеств.
 Почвы богатые требуют мало усилий,
 Только при жатве вся нива пестреет жнецами;
 В рощах тенистых пасутся стада на приволье,
 А на лугах – табуны скакунов быстроногих.
 Пашен плоды и лесов своих дар за моря мы
 Всем продаем и, хотя по достатку мы равны,
 Ценим заморское меньше, чем рощи родные.
 Край благодатный – великое княжество наше,
 Но не одна красота в его море зеленом.
 Лес наш приносит большую хозяевам пользу:
 Он – кладовая живицы и смол корабельных,
 Меха пушного, и меда, и воска, и дичи.
 Так что купец чужестранный тугою мошною
 Может тряхнуть, не скупясь, на торгах наших людных.
 Все тут – сосна корабельная, дуб для поделок,
 Тес для богатых домов – королевствам безлесным.
 Лес вырастает у нас удивительно быстро,
 Вряд ли где встретишь подобных лесных великанов.
 Благоухают цветами опушки лесные,
 Сельского люда места для забав и гуляний.
 Бортники наши под кронами старых деревьев
 Выдолбят ствол, и, глядишь – получается улей;
 Так приручаем пчелу мы и мед добываем.
 Птицы лесной несказанное множество в пуще,
 Бьют ее стрелами, а иногда – из мушкетов.
 Те петухи, о которых писал еще Плиний,
 Водятся стаями, тут их зовут глухарями –

Грузная птица, по весу гуся тяжелее.
 Запах особый присущ глухаринному мясу.
 Большая есть ли удача, чем та, когда видишь,
 Как, встrepенувшись, подбитый, он падает наземь.
 С тяги охотник уносит двойную добычу:
 Пищу желудку и пищу уму в одночасье.
 Где ни пойдешь – мастерят то ловушки, то сети:
 Если одной не поймаешь, другою добудешь.
 Леса закон для добытчиков всех одинаков.
 Край наш природа таким наделила богатством,
 Что преизбыток дает нам свободу добычи. [...]

* * *

Войны! Презренное дело войны вызывает
 Гнев мой, и слезы, и боль. Без конца, в одиночку,
 Войны ведем мы за всех, за священное братство.
 Страшный нас враг осаждает и жаждет под корень
 Нас истребить, как и имя Христа в наших землях.
 Дерзкий пришелец, ворвавшийся в наши пределы,
 Нагло твердя, что воюет не ради захватов,
 Топит в крови иноверцев, сжигает селенья.
 Там, где орда пронесется, останется пепел,
 Воронов тучи да псы одичалые. Если
 Он победит, лучше смерть нам принять, отказавшись
 От кабалы и страданий невольничьей жизни.
 Тот, кому вера велит ненавидеть другого,
 Вряд ли достоин господнего благоволенья.
 Грудью встречая врага на переднем краю, как заставой,
 Мы обескровели, меч наше тело изранил.
 Кровь наша реками льется и путь продвиженья
 Вражеских орд замедляет; щиты наши в дырах
 От бердышей беспощадных и в шрамах от сабель.
 Враг, скрежеща в озлобленье зубами, под скрежет металла
 Явно застрял бы и воинству нашему легче
 Было б сражаться, окрепла бы вера в успехи.
 Если б крещенный народ за спиной вероломно
 Не ослаблял наши силы ударами с тыла.
 Наших соседей напасть батогом не коснулась,
 Красный петух не прошелся по стрелчатым крышам.
 Тихий уют их пока что ничем не нарушен,
 Лишь потому, что наш край полыхает в пожарах.

Вместо, того чтоб помочь нам, они выступают
 В тесном союзе с пришельцем, советом и делом
 С ним заодно, полагая на гибели нашей
 Быстро самим вознестись, двоедушным спесивцам.
 Может, безумцы (лишь в бешенстве давней болезни
 Так поступают!) тогда и пропишут лекарство
 Страждущим ныне, когда оно будет не нужно.
 Явные знаки опасности видящий видит:
 Это у них, но и к нам приближается быстро.
 Жажда захватов, врагов обойди стороною!
 Если же алчут, себя пусть грызут озверело,
 И да окрасятся кровью снега в их пределах!
 Жажда захватов для них же самих уготовит
 Цепи гремящие им и их детям навеки!
 Перст указующий грозен, господь неподкупен –
 И совершится возмездие всем нечестивым.
 Время подумать, опомниться! Гром громыхает
 Где-то далеко, но черная, грозная туча
 Двигается быстро! Нашествие смерти подобно.
 Разумом ужас угрозы постичь, наяву не увидев,
 Непостижимо, но завтрашний день под угрозой!
 Он же, сосед наш, ответит, когда огласятся
 Плачем и стоном его города и деревни.
 Будет казнить себя: где же была наша ярость,
 Как же могли мы охотно расчистить дорогу
 Ордам презренным, несущим жестокое иго
 Нашим соседям, и нам, и далеким народам?
 Как же могли мы накликать неволю, которой
 Хватит и детям, и внукам, и правнукам нашим?

* * *

Хватит убийств! Возбужденная совесть и разум
 Властно велют мне тревогу поднять, ополчиться
 Против разбоя. Как долго весь мир христианский
 Марс беспощадный купает в крови, потрясая
 Веры устои! Она, христианская вера.
 Шаткою стала и дома, и на поле брани.
 Вражьи ли сабли, свои ли мечи подрубают?
 На поругание недругов наших предав ее подло,
 Нам лишь на милость небес уповать остается.
 Но преступления наши лишают надежды

На избавление скорое – смеем ли думать?
 Совесть земных повелителей, кажется, в спячке,
 Все их поступки – увы! – не забота о мире.
 Больше всего беспокоит их то, как острее
 Меч наточить, чтоб в бою обезглавить другого.
 Междоусобные войны и братоубийства –
 Все их занятия и увеселенья для духа.
 Воины гибнут с обеих сторон в этих распрях.
 Что для князей наша кровь, наши слезы и горе?
 Им лишь бы править, свое удержать превосходство,
 Вот и творят злодеяния, судьбами люда играют.
 Наши враги, это видя, глумятся над нами:
 Сан их высокий велит им быть стражей над паствой, –
 Где там! – как волки, терзают ее, раздирают.
 Вот до чего довели их и ярость слепая, и злоба,
 Как глубоко вкоренилось безумство в сердца из железа!
 Непримиримость, вражда между ними и распри
 Непостижимы уму, а народы в ответе. [...]

Симон Будный

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «КАТЕХИЗИСУ...»

Катехизис есть слово греческого языка, переводится же оно на славянскую речь как оглашение или голосом учение. [...]

Потом, однако же, и труднейшее искушение настало для хотящих креститься. Ибо находим в посланиях учительских и в некоторых правилах, что те, которые хотели креститься, должны были вначале немалое время отдельно в церкви стоять, на колени припадать, чтение евангельское услышавши, а более всего должны были, когда следовало уже вечерю господню начинать, вон из церкви выходить, определенное время поститься и на каждой неделе в четверг веру перед епископом или перед пресвитором исповедовать. А до тех пор, пока кто-либо таковые вещи не выполнил, тот крещен не был и такого звали оглашенным, а по-гречески – катикуменос. Науку же их таковую [называли] Оглашением, по-гречески – Катехизис.

Был то обычай очень нужный и полезный. [...] К тому и учителя должны по своей должности быть внимательны. Однако дьявол не

*Василий Николаевич Тяпинский
(Омельянович)*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К «ЕВАНГЕЛИЮ»

[...] Для того, чтобы сначала сами и их детки разум свой не абы как готовили, заостряли и в вере упражняли тем временем тот катехизис, о котором сами своим взглядом, как я надеюсь, за вещь воистину нужную, если не сейчас, то всегда в свое время узнают, им вперед подаю. Тот их охочими к влиятельнейшим наукам в слове своем, к устойчивому рассудку и к умению господь сделает и возбудит. А то не без великой надобности делается, ибо та теперь между ними как возникла, так и погибла; осмотр вещей жалостных насилием слова к устам гонит.

А кто богобоязненный не удержится на такое покарание божие смотреть, кто не вынужден плакать, видя так великих княжат, таких значительных господ, так много невинных детей, мужей с женами в таком славном русском (т. е. белорусском), а особенно перед тем смекалистым, ученом народе языка своего славного запущенность и просто презрение, с которого за покаранием панским такая ясная их в слове божьем мудрость, которая была им почти как врожденная, когда от них отошла, а на ее место в тех местах такое оплаканное неумение пришло, что уже некоторые и письменности своей [...] стыдятся? И наостаток, что может быть жалостнейшим, что безобразно уродливым, что и те, которые между нами называются духовными учителями, смело скажу, еще меньше им не владеют, еще меньше его понимания не знают и в нем не учатся, но даже и школы для его изучения не имеют, ради чего в польские либо в другие письмена за такой неволей не только себя и детей, не без стыда своего, чтобы только услышали, немало приучают?

Здесь бы я им их же, хотя бы одного из множества числа тех славян Иоанна либо Григория, которых ради их великой не только в своем, но также и в разных языках науки и ради признательного их выговора даже златоустыми называли, если бы были живы, рад бы был взять себе за причину, к ним в том, а наостаток за свидетеля им той речи. Ибо, если бы они ныне были, воистину сумели бы, вероятно, видя, как украшение и гордость народа их в потомстве их отнята и просто погибла, о котором бы как же необходимо стараться проявить жалость самих над собой. Ибо если бы, не говоря, посмотрели в давние времена, какой то был благородный, славный, стремительный, ученый народ их в умении и как многократно посторонние ученые народы должны были восхвалять их мудрость и, конечно же, учиться у них.

Но хотя бы письмена свои... уважали...

—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—■—

Добродетель

Не состоит ни в богатстве, ни в мощи достоинства древо,
Сеет же силу свою ум в добродетелей сад.

Мудрый

Благоразумен и мудр, принимающий критику к сердцу,
Кто презирает упрек, глупость лелеет в уме.

Досуг

Досуг учащимся словно опасная хворь и зараза –
Только приносят ущерб; учат забота и труд.

Наука

Ежели пищи желаешь, науку ищи постоянно:
Кормит любые уста мудрость ученых мужей.

Множество книг

Если владеешь множеством книг без разбору, не думай,
Что заслужил ты преславное имя ученого мужа.

Надо же многое знать, испытать и их пользу увидеть,
То лишь твое, что в мозгу в глубине закрепилося надолго
И что, коль надобно будет, извлечешь из ума для работы.

*Лаврентий Зизаний
(Тустановский)*

ЭПИГРАММА НА ГРАММАТИКУ

Грамматика письму всех обучает,
Четырьмя частями легко вразумляет:
Орфографией и просодией,
Синтаксисом и этимологией.
А посвященное ей прилежание
Оборачивается несомненной искусностью.
Те, кто желает достичь совершенства,
Пусть упорно все познают
И хорошо знают то, чему учатся.
Ибо грамматика есть ключ, всем отворяющий ум,
Ведущий к познанию истины.
Именно грамматику, словно лестницу, одолеет
Каждый, если хочет все науки постичь.

ИЗ КНИГИ «ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКА»

*Послание старательным ученикам
и всем любителям славянского языка, благозвучного
и распространенного...*

Как пишут философы, у всякой науки есть две стороны: знать должное и рассказывать, т. е. недостаточно лишь знать нужный предмет, но необходимо о нем и другим рассказать. Это – две миссии науки, которые и я, занимаясь научной работой, считал весьма необходимыми. Прежде всего ради любви к братьям своим я решился на дело выше моих сил – вновь написать и выпустить из печати первую среди семи наук – грамматику любезнейшего нам славянского языка, хорошо изучив которую каждый может уверенно читать и без сомнений понимать книги на славянском языке и правильно писать, поскольку она, грамматика – ключ к пониманию, она избавляет от двусмысленностей и развеивает всякие сомнения и в то же время украшает и просвещает человеческий разум. Благодаря ей риторика и словесность вместе с чистой философией и естественным богословием образуют слова, без которых не совершить надлежащим образом никакого дела. Кстати, если кто и читает без знания грамматики, то из-за многочисленных сомнений наверняка не уверен в правильном понимании. По той же причине плохо каждому, кто не учился читать, ибо, как пишет Катон, читать без понимания – значит вызвать презрение и насмешки; а чтобы не давать к этому повода, основательно беритесь за науку и соревнуйтесь друг с другом в добродетельном труде. Отбросив зависть и ненависть прочь, благосклонно примите мой скромный труд и, воздав богу хвалу, подвигните сами себя на большее...

*Максим Герасимович Смотрицкий
(Мелетий Смотрицкий)*

ГРАММАТИКИ СЛОВЕНСКИЯ ПРАВИЛНОЕ СИНТАГМА

Предисловие

Школьным учителям – автор

Большая польза грамматики для греческого и латинского языков известна; чтобы со временем и в славянском подобное подтверждение было, старательный учитель, будет зависеть от вашего усердия. Ибо знаете, кто изучал греческую или латинскую грамматику, что она есть искусство понимания как чистоты языка, так и правильного согласно диалектов произношения, и писания, и объяснения написанного.

Но откуда у честных родителей дети приобретают злой нрав? Скажу вам истину ради исправления: от материнской ласки, от отцовского наказания, от неограничиваемого [строгостью] обоих воспитания. Хвалит мать маленькую злобу маленького сына, а злоба в сердце, как терновник, корни укрепляет, и с ростом сына растет более злоба. Когда же сын вырастет в величину стойкую, вместе с тем вырастет злоба в нрав неискоренимый, и тогда исполнится такая притча: если юноша и состарится на своем пути, то не сойдет с него, ибо как глиняный сосуд, если в начале обработки вареной смолой напитается, никогда не отмоется. Так человек, глиняный сосуд, до смерти хранит нрав, воспринятый в юности. Поэтому и господь так обличал израильских людей через пророка Иеремию: «Если эфиоплянин может переменить свою кожу или рысь свою пестроту, то и вы можете делать добро, потому что вы научились злу».

Подобным образом детям злых родителей трудно изменить злой нрав и говорить хорошее, так как от пеленок обучаются родителями злонравию и злословию. Трудно им быть трезвыми, потому что с детства попустительствуют [им] упиваться.

Невозможно сохраниться чистым, ибо в своем младенчестве и видят, и слышат, и совершают нечистоту беспрепятственно. Горе из-за злонравия! Горе из-за притеснений! Кто же за это примет наказаний? Верно, как посадившим сад приписывается причина кривизны деревьев, потому что не исправляли их в юности, и как художникам вменяется безобразие неискусно сделанных ими вещей, так родителям приписывается причина злого нрава их детей, и примут наказание, потому что в детстве научили их или допустили привыкать ко злу. Да не примете вы, православные люди, наказания за злой нрав ваших детей, старайтесь воспитывать их, хорошо соблюдая следующие вещи, нужные для хорошего воспитания.

Первая вещь – жезл, необходимость которого образно показал сам бог всемогущий, ибо когда дал перворожденному сыну Израилю манну в пустыне и повелел хранить полный сосуд ее в ковчеге завета для вечного напоминания о том благодеянии, соблаговолил, чтобы там же были хранимы жезл Аарона и скрижали завета как вспоминает [об этом] учитель язычников. За второй завесой [находилась] скиния, называемая «святая святых», имеющая золотую кадильницу, ковчег завета с манной, проросший жезл Аарона и скрижали завета.

Совмещением этих трех вещей учит всех родителей: через манну – кормить детей, то есть отечески добывать детям пищу и все необходимое; через скрижали – учить закону божию; через жезл – непослушных не лишать заслуженного наказания. Это же самое и

Четвертая и последняя вещь – чтобы родители обучали своих младенцев от молодых ногтей, от материнских сосков страху божьему, чтобы те больше росли в добродетели, чем в величину тела. Порядок же их учения будь такой: первое – пусть прежде всяких слов учит говорить молитву господню и архангельское приветствие богородице; второе – знать, что бог один по природе, но в трех лицах, и пусть учатся символу христианской веры; третье – знать и соблюдать заповеди божьи, наиболее десятисловие; четвертое – все более часто [ходить] в дом божий на молитву, в особенности в святые дни к божественной литургии; пятое – наставлять, чтобы таинством святого покаяния через истинное исповедание своих грехов часто очищали свои души; шестое – учить молиться утром и вечером, встав от сна и отходя ко сну, господу богу, причистой богородице, ангелу хранителю, тезоименным защитникам и всем святым, о прошлом воссылать богу благодарность, а о будущем просить; седьмое – бережно охранять мальчиков-подростков от совместных игр с девочками-подростками, от совместного спанья, чтобы по дьявольскому навождению не впади в искушение; восьмое – пусть обучают своих детей какой-нибудь ручной работе или какому-нибудь иному занятию, чтобы не приобрели злых навыков, живя в праздности, ибо праздность – их [т. е. злых навыков] питательная среда; девятое – пусть хлопочут для них о почетном и душеспасительном сане временной жизни, или духовной, или мирской; десятое – когда вырастут, пусть им заповедуют, как это сделал старый Товия своему сыну, юному Товии, говоря так: «Во все дни твоей жизни имей бога в уме и остерегайся, чтобы ты не дал воли греху и не переступил заповеди бога нашего. Из своего имущества давай милостыню. И не отверни своего лица ни от одного убогого; если этого не сделаешь, то и от тебя не отвернется лицо господа. Сколько можешь, столько будь милосердным: если много тебе будет [дано], щедро отдавай; если мало тебе будет [дано], позаботься и малое доброжелательное чаще [давать], ибо хорошие награды ты подготавливаешь себе в нужный день: милостыня избавит от всякого греха и от смерти, не допустит душу пойти во тьму, и так далее.

Если таким образом воспитаете ваших детей, то будете истинными родителями не только их тел, но и душ, ибо естественно, родив для мира их тела, вы нравственно родите их души для бога, которому, родители, вместе с вашими детьми усердно и со страхом служите в качестве рабов в течение всех дней вашей жизни, чтобы с радостью восприняли награду за ваши труды в его небесном царстве.

Тема 5 ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В XVII–XVIII вв.

Ян Амос Коменский

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

содержащая

универсальную теорию учить всех всему,

или

*верный и тщательно обдуманый способ создавать по всем общинам,
городам и селам каждого*

*христианского государства такие школы, в которых бы все юношество
того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло
обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться
благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно
для настоящей и будущей жизни*

КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО,

где для всего, что предлагается,

ОСНОВАНИЯ почерпаются из самой природы вещей;

ИСТИННОСТЬ подтверждается параллельными примерами из области
механических искусств;

ПОРЯДОК распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец,
указывается

ЛЕГКИЙ и ВЕРНЫЙ ПУТЬ для удачного осуществления этого
на практике.

Привет читателям!

1. Дидактика есть теория обучения. В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом школ, решили исследовать эту теорию. Но как начинания их, так и успех были различны.

2. Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или другой науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики, или, как говорят, а posteriori.

3. Мы решаемся обещать Великую дидактику, т. е. универсальное искусство всех учить всему. И притом учить с верным успехом, так, чтобы неуспеха последовать не могло; учить быстро, чтобы ни у учащихся, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило

2. Для учителей, большинство которых совершенно не знало дидактики и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.

3. Для учеников, чтобы можно было довести их до вершин наук без трудности, скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.

4. Для школ, которые при правильном методе не только можно будет сохранить в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И когда (вследствие непогрешимости метода) из какого угодно ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших начальниках школ, и научные занятия всегда будут процветать.

5. Для государства – по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диогена-пифагорейца (у Стобея): «Что составляет основу всего государства? – Воспитание юношей». Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода. [...]

Глава IV

Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование

Семена не есть еще плод. Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия.

Это приобретается с помощью молитвы, учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать.

Человеку врожденно предрасположение к знанию, но не самое знание. Если мы будем рассматривать истинное знание, то богу свойственно знать все без начала, без преуспевания, без конца – одним простым проникновением. Человеку и ангелу этого дать было нельзя, как нельзя было дать и бесконечности и вечности, т. е. свойства божества. Ангелам и людям достаточно преимуществ в том, что они обладают остротой ума, которым могут постигать дела божии и таким образом накапливать сокровищницу знания. Поэтому об ангелах известно, что они также учатся, созерцая, и их знание так же, как и наше, есть опытное.

Чтобы человек стал человеком он должен получить образование, что доказывается:

1. *На примере прочих творений.* Итак, пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать,

людей, как только они были произведены на свет, не было недостатка... ни в даре слова, ни в способности. Однако из беседы Евы со змием очевидно, что им не хватало испорченности. Если бы у нее был большой опыт, она так просто не вступила бы с ним в разговор, так как знала бы, что это животное речью не обладает и, следовательно, здесь кроется обман. Теперь же в состоянии испорченности тем более необходимо учиться, чтобы приобрести знания. Ведь действительно мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. Тому, кто в интересах науки хотел бы использовать различные источники на живых или мертвых языках, вместо одного языка нужно изучать их уже несколько; мало того, и родные языки стали более запутанными, и ничто (из знаний) нам не врожденно.

И потому что примеры показывают, что человек без воспитания становится не чем иным, как только зверем. Имеются примеры того, как некоторые люди, похищенные в детстве дикими животными и выросшие среди них, знали несколько не больше зверей. Мало того, по речи, движениям рук и ног они ничем не отличались от зверей, если только снова через некоторое время не попадали в среду людей. Приведу несколько примеров. Приблизительно в 1540 г. в одном из гессенских сел, расположенном среди лесов, случилось, что, по небрежности родителей, пропал трехлетний мальчик. Несколько лет спустя крестьяне заметили, что среди волков находится какое-то животное, по виду не схожее с ними: четвероногое, а лицом похожее на человека. Когда об этом распространились слухи, начальник этой местности приказал поймать его живым. Животное было поймано, приведено к нему, а затем и к ландграфу Кассельскому. Когда его привели во двор Князя, животное вырвалось, убежало и спряталось под скамьей, сердито выглядывая оттуда и издавая отвратительный вой. Князь распорядился оставить его среди людей. После этого зверь начал понемногу становиться ручным, затем подниматься на задние ноги и ходить на двух ногах и, наконец, разумно говорить и становиться человеком. И тогда он, насколько мог припомнить, рассказал, что был похищен волками и вскормлен ими, а затем вместе с ними обыкновенно выходил на добычу. Описывает эту историю М. Дрессер в книге о новом и древнем воспитании. О том же упоминает и Камерарий («Горы», т. I, гл. 75), присоединяя к этой истории и другую, весьма похожую. А. Гуларций (в «Чудесах нашего века») пишет, что в 1563 г. во Франции несколько знатных людей, выйдя на охоту и убив двенадцать волков, одновременно поймали в сети мальчика

приблизительно семи лет, голого, с желтой кожей и вьющимися волосами. Когти у него были загнуты, точно у орла. Говорить он не умел, а только издавал какое-то нечленораздельное мычание. Когда его отвели в замок, то с трудом наложили на него оковы, – до того он был озверелым. Но изнуренный несколькими днями голода, он стал кротким, а на седьмой месяц заговорил. Его водили напоказ по городам с немалой прибылью для хозяев. Наконец, какая-то бедная женщина признала в нем своего сына. Итак, верно то, что сказано в сочинениях Платона (кн. 6, «О законах»): «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля».

В воспитании нуждаются и тупые и даровитые. Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем. Если бы теперь мы обзрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей. Как действующая мельница, если в нее не подсыпать зерна, т. е. материала для перемалывания, стирает сама себя и, отрывая от жерновов куски и даже повреждая и разрывая отдельные части, бесполезно с шумом и треском пылит, так и подвижной ум, лишенный серьезной работы, будет вообще наполняться ничтожным, пустым и вредным содержанием и станет причиной своей собственной гибели.

Богатые и бедные. Чем являются богатые без мудрости как не откормленными отрубями свиньями? Чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести? Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай, или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч?

Начальствующие и подчиненные. Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, – царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, – то им, прежде всего, необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику – язык, трубе – звук, мечу – острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правилам не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы,

палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилиями и беспорядками, как это и есть теперь. [...]

Глава VII

Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить

Сходство человека с растением. Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодое.

Образование человека должно начинаться в раннем возрасте:

1. *Вследствие ненадежности настоящей жизни.* Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда. Но уход из этой жизни неподготовленным – дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. Настоящая жизнь несомненно дана за тем, чтобы человек или приобрел милость божию, или утратил ее навеки. Во чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь. Пока мы живем, душа образуется для познания бога и союза с ним, и если этого кто-нибудь не достигнет при жизни, то после смерти для этого не будет уже ни места, ни времени. Ввиду того что здесь идет дело о предмете такой великой важности, нужно очень спешить, чтобы кто-нибудь не был застигнут врасплох.

2. *Чтобы, он был приготовлен для житейской деятельности ранее, чем начнет действовать.* Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь науке, то бесконечное разнообразие

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Заключение. Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении – благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно образовывать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

Глава VIII

Юношество должно получить образование совместно, и для этого нужны школы

Попечение о детях собственно есть дело родителей. Показав, что райские растеньица – христианское юношество – не могут расти наподобие леса, а нуждаются в попечении, следует рассмотреть, на кого же падает это попечение. Всего естественнее признать, что оно падает на родителей, чтобы те, кому дети обязаны жизнью, оказались и источником для них разумной нравственной и святой жизни. Для Авраама это было обычным правилом, как об этом свидетельствует бог: «Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем господним, творя правду и суд» (Быт., IV 19). Этого же бог требует и от родителей, повелевая следующее: «Внушай слова мои детям твоим и говори об них, сидя в доме твоём и идя дорогою, ложась и вставая» (Второз., VI, 7). А через апостола он говорит: «Отцы, не раздражайте детей ваших, а воспитывайте их в учении и наставлении господнем» (Эфес, VI, 4).

На помощь им, однако, даются школьные учителя. Однако при многообразии людей и их занятий редко встречаются такие родители, которые могли бы сами воспитывать своих детей или по роду своей деятельности располагали бы необходимым для этого досугом. Поэтому давно уже практикуется порядок, при котором дети многих семей вверяются для обучения специальным лицам, обладающим знаниями и серьезностью характера. Этих воспитателей юношества обыкновенно называют наставниками, учителями, школьными учителями, профессорами, а самые места, которые предназначены для общих совместных занятий, называют школами, учебными заведениями, аудиториями, коллегиями, гимназиями, академиями и пр.

Происхождение и распространение школ. По свидетельству Иосифа Флавия, первую школу открыл вскоре после потопа патриарх Сим, и она впоследствии была названа еврейской школой. Кому не известно,

2. *Необходимостью.* Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда, следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

3. *Пользой.* Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других. Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними.

«Радостно резвый уносится конь из открытого стойла.

Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем».

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний.

Постоянными примерами природы. Наконец, повсюду природа дает нам пример того, что произрастающее в изобилии должно появляться в одном каком-либо месте. Так, деревья в огромном количестве растут в лесах, трава – на полях, рыбы плодятся в водах, металлы находятся в недрах земли. И если в лесу растут сосны, кедры или дубы, то обычно они растут в большом количестве; при этом остальные породы деревьев произрастают там не так уже хорошо. Земля, богатая золотом, не содержит в себе в таком же изобилии других металлов. Но в еще большей мере эта истина проявляется в нашем теле: в нем каждый отдельный член должен, конечно, получить соответствующую часть принятой пищи; однако нужная для его питания часть поступает не в сыром виде, чтобы он сам ее перерабатывал и усваивал, а в организме имеются определенные части тела, как бы специально предназначенные для этой цели мастерские, чтобы с пользой для всего организма принимать пищу, согревать ее, переваривать и, наконец, в переваренном виде распределять питание всем остальным членам. Таким образом, желудок образует сок, печень – кровь, сердце – дух жизни, мозг – душевный дух; все это уже в готовом виде легко распределяется по всем членам и приятно поддерживает жизнь во всем теле. Итак, почему же школы не могут производить света мудрости, очищать его, распространять и распределять по всему организму человеческого объединения, подобно тому как мастерские поддерживают и направляют ремесла, храмы – благочестие, судебные места – правосудие?

И примерами искусства. Наконец, если работа производится разумно, мы наблюдаем то же и на произведениях искусства. Садовник, например, проходя по лесу и среди кустарника, натолкнувшись где бы то ни было на годное для посадки растение, не сажает его тут же, но, вырвав, переносит в фруктовый сад и там ухаживает за ним вместе с сотнями других. Таким же образом, занимаясь размножением рыб для питания, человек устраивает садки для них и предоставляет им возможность размножаться там тысячами. И чем больше фруктовый сад, тем лучше обыкновенно растут деревья; чем больше садок, тем больших размеров рыбы. Поэтому как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев – сады, так для юношества – школы.

Глава IX

Школам нужно верить всю молодежь обоего пола

Школы должны быть общественными местами для юношества. Из нижеследующего вытекает, что в школы следует отдавать не только детей богатых или знатных, но и всех вообще: знатных и незнатных, богатых и бедных, мальчиков и девочек во всех городах и местечках, селах и деревнях.

Потому что все должны быть воспитаны по образу божью. Все люди, которые только родились, – произошли на свет с одной и той же главной целью: быть людьми, т. е. разумными существами, владыками тварей, ярким подобием своего творца. Следовательно, всех нужно вести к тому, чтобы они, надлежащим образом впитав в себя науку, добродетель и религию, могли пройти настоящую жизнь и достойно подготовиться к будущей. У бога нет лицепрятия – не раз свидетельствует он об этом сам. А если мы позволим развивать свой ум только некоторым, исключив остальных, то будем несправедливы не только по отношению к тем, кто обладает той же самой природой, но и по отношению к самому богу, который хочет, чтобы все, на ком он начертал свой образ, его познавали, любили и восхваляли. Это, несомненно, будет происходить тем пламеннее, чем больше будет разгораться свет знания. Мы любим именно настолько, насколько познаем.

Все должны быть подготовлены к обязанностям своего будущего призвания. Нам неизвестно, для какой цели божественное предназначило того или другого из нас. Но нам хорошо известно, что бог иногда создавал выдающиеся орудия своей славы из самых бедных, самых отверженных, самых темных людей. Будем же подражать небесному солнцу, которое освещает вселенную, согревает и животворит землю с тем, чтобы жило, зеленело, цвело, приносило плоды все, что только может жить, зеленеть, цвести, приносить плоды.

будем занимать их ум, тем менее найдет себе место у них легкомыслие, которое обыкновенно рождается от пустоты ума.

С какою, однако, осторожностью? Однако это нужно делать с такой предосторожностью, чтобы девушкам, как и юношеству другого пола, не была доступна первая попавшаяся книга (нужно сожалеть о том, что этого не избегали до сих пор с большей осмотрительностью). Им должны быть доступны книги, из которых с истинным познанием бога и дел его они могли бы постоянно почерпать истинные добродетели и истинное благочестие.

Устраняется возражение против этого. Итак, пусть никто не возражает мне известными апостольскими словами: «Жене учить не повелеваю» или известными словами Ювенала из VI сатиры: «Пусть матрона, которая состоит с тобой в брачном союзе, не владеет изысканной речью или пусть не упражняется в краткой энтимеме, в изящной речи и не знает всяких историй». Или пусть не возражает тем, что говорит у Эврипида Ипполит: «Я ненавижу ученую женщину. Пусть никогда не будет в моем доме женщина, которая знает больше, чем ей подобает: ведь в ученых сама Киприда влагает больше коварства».

Это, говорю я, нисколько не противоречит нашему намерению, так как мы советуем учить женщин не для пустой любознательности, но для благонравия и счастья, учить особенно тому, что подобает им знать, чем владеть как для достойного устройства своей домашней жизни, так и для попечения о своем собственном благополучии и о благополучии мужа, детей и семьи.

Другое возражение. Если кто-нибудь возразил бы: что произойдет, если ремесленники, мужики, носильщики и даже женщины стали бы учеными? Отвечаю: Произойдет то, что когда будет установлено законом это всеобщее образование юношества, то после этого ни у кого не будет недостатка в хороших предметах для размышления, желания, стремления, даже действия, и все будут знать, куда нужно направлять в жизни все действия и все стремления, в каких границах нужно жить и каким образом каждому охранять свое положение. Кроме того, все, даже среди работ и трудов, будут наслаждаться помышлением о словах и делах божиих и, благодаря чтению библии и других хороших книг (к которым, как уже вкусивших их, будут увлекать эти лучшие наслаждения), они будут избегать праздности, опасной для плоти и крови. И – скажу раз и навсегда – они научатся везде видеть бога, везде хвалить его, везде его постигать и таким образом проводить приятнее эту бедственную жизнь и с большим желанием и надеждой ожидать вечной жизни. Но такое состояние церкви не представляло ли бы для нас рая, какой только возможно иметь под солнцем?

Глава X

Обучение в школах должно быть универсальным

В чем же заключается все, чему нужно учить и учиться в школах. Теперь нам нужно доказать, что в школах всех нужно учить всему. Но этого нельзя понимать так, однако, как будто бы мы требовали от всех знания всех наук и искусств (особенно знания точного и глубочайшего). Это ведь по существу дела бесполезно и, по краткости нашей жизни, ни для кого из людей невозможно. Ведь мы видим, что любая наука (физика, арифметика, геометрия, астрономия и пр., даже сельское хозяйство или садоводство) так глубоко и так широко развилась, что даже у самых выдающихся умов, если они желают заняться теоретическими размышлениями и опытами, она могла бы наполнить всю жизнь. Но во всяком случае необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

Именно в том, что касается образования всего человека. Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах, а отсюда благодаря школам и во всей жизни:

- I. При посредстве наук и искусств развивались способности.
- II. Совершенствовались языки.
- III. Развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.
- IV. Бог искренно почитался.

В мудрости, благоразумии, благочестии. Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы – мастерские гуманности, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми, т. е. (возвращаясь к поставленным выше целям): I. Созданием разумным. II. Созданием, господствующим над всеми творениями (также и над самим человеком). III. Созданием, которое является радостью своего творца. Это будет происходить в том случае, если школы много потрудятся над тем, чтобы сделать людей мудрыми по уму, благонравными в своих действиях и благочестивыми сердцем. [...]

Глава XI

До сих пор не было школ, вполне соответствующих своему назначению

Что такое школа, точно соответствующая своему назначению? Этим самоуверенным заявлением я покажусь слишком и слишком дерзким. Но я призываю в свидетели само дело и судьей тебя,

делаю судьей тебя, читатель, себя же представляю только в качестве действующего лица.

Вполне соответствующей своему назначению я называю только такую школу, которая являлась бы истинной мастерской людей, в которой, следовательно, умы учащихся озарялись бы блеском мудрости, для того чтобы быстро проникать во все явное и сокровенное (как говорит книга «Премудрости», VII, 17), души и движения их направлялись бы ко всеобщей гармонии добродетелей, а сердца насыщались бы божественной любовью и до того проникались бы ею все, кто вверен христианским школам для обучения мудрости, что дети уже на земле приучились бы жить небесною жизнью. Словом, чтобы в школах совершенно обучали всех всему.

Доказывается, что школы должны быть такими, однако они не таковы. Но какая школа до сих пор ставила себе это целью в указанной степени совершенства, не говоря уже о том, чтобы она ее достигла? Но чтобы не показалось, что мы стремимся к платоновским идеям и мечтам о совершенстве, которого нет нигде, на которое, быть может, в этой жизни нельзя надеяться, я докажу другими аргументами, что школы должны быть такими и что, однако, до сей поры таких школ еще нет.[...]

Свидетельством самих вещей. Не есть ли это совет действительно разумный и достойный столь великого мужа? Но кто не видит, что до сих пор это осталось в области пожеланий? Где же эти универсальные школы? Где этот привлекательный метод?

1. *Школы еще не основаны повсюду.* В действительности мы видим все, как раз противоположное, так как прежде всего в менее значительных общинах, в местечках и селах еще не везде основаны и самые школы.

2. *Но даже там, где они есть, не принимается мер, чтобы они были для всех.* Но и там, где они существуют, они неодинаково доступны для всех, но только для некоторых, и именно для более состоятельных. Ведь посещение школ связано с значительными расходами, а потому бедные и не имеют к ним доступа, если не говорить о какой-либо случайности, например о чьей-либо благотворительности. А между тем весьма вероятно, что среди бедных нередко скрываются и – к великому ущербу для церкви и для государства – вследствие такой системы пропадают блестящие таланты.

3. *Это не место для приятных занятий, а толчея.* Далее, в обучении юношества большей частью применялся столь суровый метод, что школы превращались в пугало для детей и в места истязания для умов. Поэтому большая часть учеников проникалась отвращением к наукам и книгам и предпочитала школам мастерские ремесленников или какие-нибудь другие житейские занятия.

Глава XIII

Основною преобразования школ является точный порядок во всем

Порядок – душа вещей. Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю эту вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли бы ничего, решительно ничего иного, кроме порядка, т. е. размещения вещей предшествующих и последующих, верхних и нижних, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащих и соответствующих каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что порядок есть душа вещей. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целостность до тех пор, пока удерживает порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, колеблется, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

Это поясняется примерами:

1. *Мира.* Чем, спрашиваю я, достигается то, что мир отличается стройностью и существует во всей своей полноте? Конечно, тем, что каждое создание весьма строго держится в своих пределах согласно предписанию природы. Этим сохранением порядка, в частности, сохраняется и порядок вселенной.

2. *Небесной тверди.* Чем достигается столь точное и без всякого замешательства чередование различных промежутков времени, годов, месяцев и дней? Только неизменным порядком небесной тверди.

3. *Тонкой работы маленьких живых существ.* Что дает возможность пчелам, муравьям, паукам давать работу тонкой точности, что человеческий ум находит в ней больше чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

4. *Человеческого тела.* Чем достигается то, что человеческое тело является столь удивительным органом, вполне достаточным для бесчисленных действий, хотя этот орган наделен не бесчисленными средствами, т. е. что немногими членами, из которых он состоит, можно выполнять изумительные по своему разнообразию дела и не требуется каких-либо дополнительных членов или изменений в них? Это достигается, конечно, благоразумнейшей пропорцией всех членов как внутри себя, так и в отношении друг к другу.

5. *Нашего ума.* Чем достигается то, что единственный данный нашему телу ум, управляя столькими действиями, является достаточным для всего тела? Только порядком, благодаря которому все члены связаны постоянными связями и по мановению первого движения, исходящего от ума, легко приводятся в соответствующее действие.

6. *Мудро управляемого царства.* Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то,

по отношению к остальным, необходимую связь с соответствующей частью и законы взаимодействия для восприятия и передачи силы.

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов образуется какой-либо разрыв или что-либо ломается, разбивается, или замедляется, или принимает неправильное движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка, тотчас все останавливается или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь все цинкит от порядка. [...]

Глава XVI

Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться

Метод обучения должен быть возведен в научную теорию. До сих пор метод наставления был до такой степени неопределенным, что едва ли кто-нибудь решился бы сказать: «В течение стольких и стольких лет этого юношу я доведу до того-то, обучу его так-то и так». Поэтому нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

И это на основании параллелизма естественного и искусственного. Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы (как мы видели в главе XIV), то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, архитекторы, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

И почему так? Если кому-либо это покажется слишком низким, известным, обыкновенным, тот пусть вспомнит, что мы теперь стремимся к тому, чтобы из повседневных и известных явления, которые успешно совершаются в природе и искусстве (вне школы), мы могли вывести менее известные, требуемые нашей целью. И несомненно, если известно, откуда мы черпаем идею наших правил, то, надемся, там очевиднее будут и наши заключения.

Основоположение I

Ничто не предпринимается несвоевременно. Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, птица, намереваясь размножить свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость. И вместе с тем она поступает постепенно.

Пока стоит еще холодная погода, птица производит яйца и согревает их внутри организма, где они предохранены от холода; когда воздух становится более теплым, она кладет их в гнездо, и, наконец, при наступлении уже теплой части погоды она выводит птенцов, чтобы нежнейшие существа постепенно привыкали к свету и теплу.

Правильное подражание этому в садах и в архитектуре. Так же и садовник обращает внимание на то, чтобы все делать только в свое время. Он не сажает растений зимой (так как сок в это время остается в корне и не поднимается для питания саженца), и не летом (потому что сок уже распределен по ветвям), и не осенью (так как сок устремляется в корни), но весной, когда сок начинает распространяться из корня и оживлять верхние части дерева. И впоследствии он должен знать удобное время для всего, что должно делать с деревьями, т. е. время для унаваживания, подрезывания, окапывания и пр.; даже и самое дерево имеет определенное время для пуска ростков, для цветения, для распускания листьев, для созревания плодов и пр. Не иначе поступает и предусмотрительный архитектор; он считает необходимым выбирать удобное время для рубки леса, обжигания кирпичей, закладки фундамента, возведения стен и штукатурки их и т. п.

Двойное уклонение в школах от этой идеи. Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

I. Не избирается надлежащее время для умственных упражнений.

II. Не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в определенной последовательности, безошибочно.

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается и легко пускает глубокие корни.

Тройное исправление. Итак, мы делаем заключение:

I. Образование человека нужно начинать в весну жизни, т. е. в детстве, ибо детство изображает собой весну, юность – лето, возмужалый возраст – осень и старость – зиму.

II. Утренние часы для занятий наиболее удобны (так как опять утро соответствует весне, полдень – лету, вечер – осени, а ночь – зиме).

III. Все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте.

Основоположение III

Материал делается годным для восприятия формы. Природа избирает для своего воздействия подходящий предмет или, по крайней мере, сперва надлежащим образом его подготавливает, чтобы он стал подходящим. Например, птица кладет в гнездо, на котором ей надо сидеть, не что угодно, но такой предмет, из которого можно было бы высидеть птенца, т. е. яйцо. Если попадется камень или что-либо другое, птица выбрасывает его как бесполезную вещь. Затем, высиживая яйцо, она до тех пор его согревает, поворачивает, дает форму заключенной в яйце материи, пока оно не станет готовым для вылупливания птенца.

Подражание. Так, архитектор, срубив возможно лучшие деревья, высушивает их, обрубает, распиливает, затем выравнивает площадь для постройки, очищает ее, закладывает новый фундамент или так восстанавливает и укрепляет старый, чтобы он стал пригодным для возведения на нем постройки.

Таким же образом художник, имея недостаточно хорошее полотно или грунт для красок, прежде всего, старается сделать их возможно лучшими, выскабливая, выглаживая и всячески подготавливая их для удобного пользования.

Так садовник: 1) выбирает самый здоровый отводок плодоносного дерева; 2) переносит его в сад и умело сажает в землю; 3) однако, пока не увидит, что он пустил корень, не обременяет его привитием нового черенка; 4) прежде чем привить новый черенок, отрезает прежние веточки, мало того, удаляет пилюю в некоторых местах часть самого ствола, чтобы никакая часть сока не могла утечь куда-нибудь в другое место, кроме как для питания привитого черенка.

Отклонение. Против этого основного положения грешили в школах не столько тем, что туда принимали тупых и глупых (так как по нашему плану нужно допускать всю молодежь), сколько тем, что:

I. Эти молодые растеньица не переносили в питомники, т. е. не вверяли всецело школам, чтобы те, из кого нужно сделать людей, не выпускались из мастерской до полного оформления.

II. В большинстве случаев зародыши наук, нравственности и благочестия пытались привить ранее, чем самый отводок пустит корни, т. е. прежде чем была пробуждена любовь к учению у тех, в которых не зажгла этой любви сама природа.

III. Не очищали молодые деревца или отростки перед посадкой, так как не освобождали души от ненужных занятий, умело удерживая их дисциплиной и приучая к порядку.

Исправление. На основании этого:

I. Всякий, кого отдают в школу, пусть остается в ней до конца.

и брентную оболочку. С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, слишком ясно, чтобы требовались какие-либо доказательства.

§ 4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье относятся не к тому, что должен врач делать с больным и хилым ребенком, а к тому, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины для оберегания и для укрепления здоровой или, по меньшей мере, не болезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные иомены. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщин наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеживания.

Тепло.

§ 5. Первое, о чем следует заботиться, – это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не прикрывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По этому поводу скифский философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, – сказал скиф, – чтобы твое лицо, подверглось действию холодного зимнего воздуха?» «Но мое лицо приучено к этому», – ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь лицо», – возразил скиф. Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Прекрасный пример, относящийся к занимающей нас сейчас задаче, – показать, что может сделать привычка (пример, правда, обратного характера, – он относится к случаю чрезмерной жары), я нашел в одном новейшем и интересном описании путешествия и приведу его словами самого автора. «На Мальте, – говорит он, – жара сильнее, чем в какой бы то ни было части Европы, сильнее даже, чем в Риме, и притом

не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые рукавицы с надетыми поверх их «ручными башмаками», как называются перчатки у голландцев, то промачивание рук было бы для него столь же опасно, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги. Для предотвращения этой опасности нужно обувь мальчиков делать так, чтобы она пропускала воду, а также ежедневно мыть им ноги в холодной воде. Это можно рекомендовать и по соображениям чистоты; но здесь я имею в виду интересы здоровья и поэтому не приурочиваю обмывание ног к точно определенному времени дня. Мне известен случай, когда это делалось с хорошим результатом каждый вечер, всю зиму без перерывов, причем употреблялась самая холодная вода. Ребенок обмывал свои ноги по колено водой, которая была покрыта толстой пленкой льда, хотя он был в столь малом возрасте, что не был еще способен сам растирать и вытирать себе ноги; а начали его приучать к этому, когда он был совсем мал и очень нежен. Важна самая цель – закаливание этих частей тела путем частого и вошедшего в привычку обмывания холодной водой и предупреждение таким способом такого вреда, который причиняется случайным промачиванием ног людям, иначе воспитанным; поэтому выбор времени – дня или вечера – можно, мне думается, предоставить благоразумию и удобствам родителей. Время, по моему мнению, безразлично, лишь бы успешно осуществлять самый прием: приобретенные в результате этого здоровье и закалка стоили бы и более дорогой цены. К тому же указанный прием предохраняет и от мозолей, что для некоторых явится очень ценным вознаграждением. Только начинайте это делать весной, с тепловатой водой, и переходя постепенно ко все более холодной, пока через несколько дней не перейдете к совершенно холодной; затем уже продолжайте так и зимой и летом. Здесь, как и в других случаях отступлений от обычного образа жизни, необходимо следить за тем, чтобы перемена достигалась мягкими и нечувствительными переходами: таким путем мы можем приучить свое тело ко всему, не испытывая страданий и не подвергая себя опасности.

Нетрудно предвидеть, как склонны будут принять эту теорию любящие матери. Подвергать такому обращению их нежных малюток – разве это не значит, самое меньшее, убивать их? Как! Погружать их ноги в холодную воду в зимнее время, когда и без того не удастся достаточно их согреть? Чтобы несколько рассеять их страх, приведу примеры, без которых редко выслушиваются даже самые очевидные доводы. Сенека рассказывает нам о себе, что он имел привычку купаться в середине зимы в холодной ключевой воде. Если бы он не считал это не только выносимым, но и полезным для здоровья, он вряд ли стал бы это делать, так как его огромное богатство позволяло ему тратиться на теплые ванны;

а в его возрасте (он был тогда уже стар) были простительны и большие поблажки. Кто-нибудь, может быть, подумает, что к этому суровому приему побуждали его стоические принципы. Пусть так: допустим, что учение секты заставляло его переносить и холодную воду. Но что делало его полезным для его здоровья? Ведь здоровье его не страдало от этой суровой привычки. А что нам сказать о Горации, который не согревал себя славой какой-либо секты и менее всего сочувствовал строгостям стоического учения. Между тем и он уверяет нас, что у него была привычка купаться зимою в холодной воде. Некоторые при этом, может быть, подумают: в Италии значительно теплее, чем в Англии, и температура воды там очень отличается от зимней температуры наших вод. Но если реки Италии теплее, то реки Германии и Польши значительно холоднее, чем у нас; однако там евреи – как мужчины, так и женщины – купаются, не делая перерывов, во все времена года, и притом без всякого вреда для здоровья. Не всякий также склонен видеть чудо или какие-то особенные достоинства источника св. Винфреда в том, что холодные воды этого знаменитого источника не причиняют вреда нежным телам купающихся в нем людей. Всем известны теперь многочисленные случаи, когда холодные купания производят чудеса над больной и слабой конструкцией людей, возвращая им здоровье и силу; они не могут поэтому быть бесполезны или непереносимы, когда речь идет о физическом укреплении и закаливании тех, кто обладает лучшей конституцией.

Если эти примеры взрослых людей сочтут неподходящими для детей потому-де, что организм детей еще слишком нежен и не способен переносить такие эксперименты, то пусть думающие так посмотрят, как поступали со своими детьми германцы и как поступают современные ирландцы, и они убедятся, что также и дети, какими бы нежными их не считали, могут переносить без всякой опасности для себя обмывание холодной водой не только ног, но и всего тела. В горной части Шотландии и теперь еще некоторые женщины применяют этот режим к своим детям в середине зимы и находят, что холодная вода не причиняет им никакого вреда, даже если в ней плавает лед. [...]

Пища

§ 13. Что касается пищи, то она должна быть совсем обыкновенной и простой; и я бы советовал, пока ребенок ходит в детском платьице или, по крайней мере, до двух или трехлетнего возраста, вовсе не давать ему мяса. Но как это ни полезно для его здоровья или силы в настоящем или в будущем, я боюсь, что родители с этим не согласятся, так как они сбиты с толку собственной привычкой есть слишком много мяса: они готовы думать, что их дети, как и они сами, если они не будут иметь мяса по крайней мере два раза в день, будут подвергаться опасности умереть с голода. Я уверен, что зубы у детей прорезывались бы с гораздо меньшей

не будет страдать бессонницей во время своих путешествий (когда сон особенно необходим) из-за отсутствия привычной мягкой постели или из-за того, что подушки положены не в том порядке. Мне думается поэтому, что постель ребенка следует устраивать различным образом, так, чтобы его голова лежала иногда выше, иногда ниже и чтобы он мог стать нечувствительным ко всяким маленьким переменам, с которыми, наверное, будет сталкиваться всякий, кому не предназначено всю жизнь спать в удобной домашней постели и всегда иметь около себя горничную, которая бы тщательно за всем смотрела и тепло его укутывала. Сон – великое укрепляющее средство, данное природой. Тот, кто лишается его, очень страдает от этого, и очень несчастен тот человек, который может принимать это лекарство только из позолоченного кубка своей матери, а не из деревянной чашки. Тот, кто может спать крепко, принимает это лекарство, и совершенно неважно, спал ли он на мягкой постели или на жестких досках. Единственное, что необходимо, – это сон сам по себе. [...]

Ранний возраст

§ 34. Большая ошибка, которую я наблюдал в деле воспитания детей, заключается в том, что родители редко уделяют достаточное внимание тому, чтобы сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму и в тот наиболее подходящий для этого период, когда юная душа наиболее нежна и легче всего подвержена воздействию. Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны – скажу я – позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки. Нельзя, видите ли, – ни в чем перечить детям; надо во всем предоставить им поступать по своей воле; а так как дети в свои детские годы не способны к большим порокам, то родители думают, что можно без риска проявлять снисходительность к маленьким отступлениям от правильного поведения, что можно забавляться их милой шаловливостью, которая, по их родительскому мнению, вполне подходит к этому невинному возрасту. Но уже Солон очень хорошо ответил одному такому нежному родителю, который не хотел наказать ребенка за одну скверную выходку, извиняя ее тем, что это неважная вещь: да, сказал он, но привычка – важная вещь.

§ 35. Любимчик должен научиться драться и дразнить других, он должен получать все, что потребует, и делать то, что ему нравится. Так родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки, а потом удивляются, что вода, источник которой они сами отравили, имеет горький вкус. Ибо когда дети вырастают, вместе с ними вырастают также и их дурные привычки; когда же они станут

мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу и Харибду, которые, с той ли или другой стороны, губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

§ 48. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех, порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что собственно значит регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит – спрошу я вас – поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный проступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

§ 49. Этот метод исправления, естественно, порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, видя, что из-за этих вещей они подвергаются побоям и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы его вздумали побоями и бранью заставлять развлекаться или подвергать его такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться? Это было бы вполне естественно. Неприятная обстановка обычно отравляет самые невинные вещи, которые с нею связаны: один только вид чашки, из которой вы обычно принимаете отвратительное лекарство, вызывает у вас тошноту, и ничего из этой чашки уже не покажется вам приятным, хотя бы она была исключительно чиста и красива и сделана из дорогого материала.

§ 50. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок, в отсутствие наблюдающего глаза, может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким

образом, нисколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такой насильственной сдержки просыпается еще с большей силой.

§ 51. Или же – если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной склонности, то этот, результат часто достигается за счет насаждения другого, еще худшего и более опасного недуга – душевной пришибленности, и тогда вместо беспорядочного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя и для других.

Награды

§ 52. Побои и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко или пряник или какой-либо другой в этом роде предмет из наиболее любимых им с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не можете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему вкусу к богатству, щегольству, лакомству и пр., когда разум его советует, а долг от него требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или награждаете его за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка; когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так люди неправильно пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие к грамматике, к танцам и к некоторым другим подобным предметам, не имеющим большого значения для их счастья или полезности в их жизни,

и тем самым жертвуют их добродетелью, извращают правила их воспитания и приучают детей к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь подавляя наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму. [...]

Правила

§ 64. Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполнили какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнить данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Так, например, для хорошо воспитанного человека кланяться джентльмену, когда тот его приветствует, и смотреть ему в лицо, когда тот говорит с ним, становится, благодаря постоянной практике, столь же естественным, что и дышать: для этого не требуется ни думать, ни рассуждать. Если вы таким путем излечили вашего ребенка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки.

§ 65. Я видел родителей, которые наваливали на своих детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую их часть, и еще менее они могли их выполнять. И, несмотря на то, за нарушение этих многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом этого было то, что они не обращали внимания на указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего внимания, на которое они способны, недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и после идущих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему

Принуждение

§ 128. Мы уже отметили выше, что дети любят разнообразие и свободу и что это именно делает для них игры привлекательными, и поэтому не следует им навязывать в виде обязанности ни учебник, ни что бы то ни было другое, чему они должны, по нашему мнению, учиться. Их родители, воспитатели и учителя склонны забывать это, и то нетерпение, которое они проявляют в своем желании засадить детей за полезную для них работу, мешает им втягивать последних в работу незаметным для них способом; а по частым понуканиям дети быстро распознают, чего от них требуют и чего не требуют. Если эта ошибочная тактика уже внушила ребенку антипатию, то лечение нужно начать с другого конца. Но так как теперь уже слишком поздно пытаться превратить для него учение в игру, то вы должны наметить обратный путь: вам нужно проследить, какой игрой он больше всего увлекается, и превратить ее в обязанность; заставляйте его каждый день определенное количество часов играть, и притом не в виде наказания, а в качестве занятия, которое вменяется ему в обязанность. При таких обстоятельствах, если я не ошибаюсь, самая любимая игра надоест ему в несколько дней настолько, что он предпочтет ей свой учебник или что-либо другое, особенно если это избавит его хотя бы от части возложенного на него урока обязательной игры и ему позволят часть времени, предназначенного для указанного урока, уделить учебнику или какому-либо другому действительно полезному для него занятию. Я, по крайней мере, думаю, что это более действительное средство, чем прямое запрещение (которое обычно усиливает желание) или какое бы то ни было другое наказание, для исправления этого недостатка. Ибо если вы однажды пресытили его аппетит (что можно безопасно проделать во всем, только не в еде и питье), довели его до пресыщения тем именно, от чего вы желаете его отучить, то этим самым вы внушили ему отвращение, и вам нечего уже бояться, что у него снова появится та же страсть.

§ 129. Мне представляется достаточно очевидным, что праздность дети, как правило, ненавидят. Поэтому вся наша забота должна быть направлена к тому, чтоб их деятельный дух был всегда занят чем-либо полезным для них; если вы хотите этого добиться, вы должны превращать для них необходимые, по вашему мнению, занятия в развлечение, а не делать из них обязательную работу. Как это сделать, чтобы дети в то же время не могли заметить умысла с вашей стороны, я здесь указал; а именно: предлагая или заставляя их под тем или иным предлогом заниматься до пресыщения тем, от чего вы хотите их отучить, и внушая им таким способом отвращение к этому делу. Например: ваш сын слишком увлекается игрой в кубарь. Заставляйте его играть по несколько часов в день и следите за тем, чтобы он это действительно делал: вы увидите, как быстро

Еще один момент в вопросе о детских игрушках заслуживает внимания родителей. Хотя мы согласились, что они должны быть разнообразными, однако, по моему мнению, ни одной игрушки не следует покупать для детей. Этим устранится то большое разнообразие, которое часто создает для них перегрузку и служит лишь к тому, что приучает их к постоянной погоне за переменной и изобилием, к беспокойству, к вечному желанию чего-то нового, к вечной неудовлетворенности тем, что они имеют. Подарки, которые принято делать детям родителями с солидным общественным положением, в целях угождения, причиняют малюткам большой вред. Это развивает в последних гордость, тщеславие и жадность чуть ли не ранее, чем они научатся говорить. Я знал маленького ребенка, который был настолько поглощен обилием и разнообразием своих игрушек, что утомлял свою няню, ежедневно пересматривая их; ребенок так привык к этому изобилию, что никогда не считал его для себя достаточным и то и дело спрашивал: «А еще что, еще что? Что мне еще дадут?» Замечательное начало в ограничении желаний и замечательный путь к тому, чтобы сделать человека довольным и счастливым!

Но меня спросят: если никаких игрушек не следует покупать, то откуда они будут получать те игрушки, которые вы разрешаете им иметь? На это я отвечаю: пусть они сами их делают или, по крайней мере, стараются их делать, и пусть занимаются этим; а до того пусть они обходятся без игрушек, да у них и нужды не будет в особо хитрых игрушках. Гладкий камешек, кусок бумаги, связка ключей матери и любой предмет, которым они не могут поранить себя, – все это так же может развлекать маленьких детей, как и дорогие и затейливые игрушки из магазина, которые сейчас же портятся и ломаются. Дети никогда не скучают и не огорчаются из-за отсутствия таких игрушек, если только их не приучили к ним; когда они малы, игрушкой для них может явиться все, что попадает им в руки; когда же они становятся старше, они сами будут их делать, если только другие не будут бессмысленно тратить на то, чтобы снабжать их. Конечно, когда они начнут что-либо изобретать сами, нужно учить их и помогать им; но пока они сидят празднично, в ожидании, что получат все из чужих рук, без всякого старания с своей стороны, не следует ничего им давать. А если вы помогаете им, когда они находятся в затруднении, вы будете им милее, чем если бы вы стали покупать им дорогие игрушки. Правда, такие игрушки, изготовление которых превышает их искусство и пользование которыми связано с затратой труда, как, например, кубарь, волчок или ракета и другие в этом роде, нужно доставлять им: они должны получать их не ради разнообразия, а для упражнения; но из этих игрушек также нужно давать им возможно

и постепенно становится мельче по сравнению с тем, с которого он начал, но никогда не становится крупнее. С такой выгравированной доски нужно сделать оттиски на нескольких листах хорошей бумаги красными чернилами, и обучающемуся остается только обводить буквы хорошим пером, обмакнутым в черные чернила. Если предварительно показать ему, откуда начинать и как обводить каждую букву, его рука быстро освоится с формами этих букв. Когда он научится хорошо обводить буквы, он должен перейти к упражнениям на чистой бумаге. Таким методом вы легко можете научить его писать любым почерком по вашему желанию. [...]

Французский язык

§ 162. Как только мальчик научился говорить по-английски, пора ему начать учиться какому-либо другому языку: ни у кого не возникает сомнений, когда в качестве такого языка предлагается французский язык. Причина лежит в том, что все свыклись с правильным методом обучения этому языку: он заключается в усвоении детьми языка из постоянных разговоров, а не с помощью грамматических правил. Этим же методом было бы легко обучать и латинскому языку, если бы воспитатель, всегда находясь с учеником, обращался к нему только на этом языке и заставлял бы его всегда отвечать на нем же. Но так как французский язык – живой язык и больше употребляется в разговоре, то ему нужно учиться раньше для того, чтобы его гибкие органы речи могли приучиться к правильному образованию его звуков и мальчик усвоил бы хорошее французское произношение; чем дальше откладывать обучение, тем оно становится труднее.

Латинский язык

§ 163. Когда мальчик уже хорошо говорит и читает по-французски (что при указанном методе обучения достигается обычно в одни или два года), он может перейти к латинскому языку; странно только то, что родители, имея перед собой опыт с французским языком, не считают нужным обучать детей латыни тем же методом разговора и чтения. Нужно только позаботиться о том, чтобы мальчик за то время, что он обучается этим иностранным языкам, читая и разговаривая с воспитателем только на этих языках, не забыл читать по-английски. Это можно предупредить тем, чтобы он ежедневно в присутствии матери или кого-либо другого читал вслух избранные места из библии или другие английские книги. [...]

§ 178. Одновременно с обучением французскому и латинскому языкам можно, как я говорил, начать вводить мальчика также в арифметику, географию, хронологию, историю и геометрию. Ибо, если учить его этим предметам на французском или латинском, когда он начинает понимать какой-либо из этих языков, то он будет одновременно приобретать знания в этих предметах и в придачу усваивать самый язык.

География

Начать, мне думается, нужно с географии: ибо, поскольку изучение фигуры земного шара, положения и границ четырех частей света и отдельных королевств и стран является только упражнением глаз и памяти, ребенок будет этому учиться с удовольствием и запоминать эти вещи. Насколько это верно, показывает следующий факт. В доме, где я теперь живу, есть ребенок, которого мать настолько хорошо познакомила этим способом с географией, что, когда ему еще не было шести лет, он знал границы четырех частей света, умел, когда его спрашивали, сразу показать любую страну на глобусе и любое графство на карте Англии, знал все большие реки, мысы, проливы и заливы на земном шаре и умел находить долготу и широту любой точки. Конечно, этими вещами, которые ребенок по указанному методу усвоит при помощи зрения и запомнит механически, еще не исчерпывается все, что он должен изучить на глобусе. Однако это значительный шаг и хорошая подготовка к дальнейшему и весьма облегчит усвоение всего остального впоследствии, когда его способность рассуждать достаточно созреет для этого; кроме того, он выигрывает этим много времени, а удовольствие, которое он испытывает, узнавая о разных вещах, будет незаметно способствовать усвоению им языка.

Арифметика

§ 179. Когда в памяти мальчика хорошо запечатлеются естественные подразделения земного шара, будет своевременно перейти к арифметике. Под естественными подразделениями земного шара я подразумеваю различные положения частей суши и моря в связи с различными названиями и подразделениями стран, не касаясь еще тех искусственных и воображаемых линий, которые условны и придуманы в целях усовершенствования этой науки.

§ 180. Арифметика – это легчайшая форма отвлеченного мышления; и поэтому она обыкновенно раньше других оказывается доступной уму, и с нею он раньше всего свыкается; притом она настолько общеупотребительна при всех обстоятельствах обычной и деловой жизни, что навряд ли можно что-либо делать, не прибегая к ее помощи. Относительно нее, бесспорно, никогда нельзя сказать, что человек знает ее слишком много и слишком хорошо. Поэтому упражнения в счете следует начинать возможно раньше, лишь только ребенок становится способен к ним; и заниматься этим следует понемногу каждый день, пока он не овладеет вполне искусством счета. Когда он освоится со сложением и вычитанием, его можно повести дальше в географии; и после того как он ознакомится с полюсами, поясами, параллельными кругами и меридианами, нужно объяснить ему, что такое долгота и широта, научить его пользоваться с их помощью картой и по числам, поставленным по ее бокам, определять относительно положение стран и, обратно, отыскивать последние на земном глобусе.

Астрономия

Научившись легко с этим справляться, он может перейти к небесному глобусу и снова рассмотреть все круги, познакомиться более подробно с эклипстикой и зодиаком, чтобы с полной ясностью и отчетливостью запечатлеть их в своем уме, а затем усвоить фигуру и положение некоторых созвездий, которые можно сначала показать ему на глобусе, а затем уже на небе.

После того как все это усвоено и мальчик достаточно хорошо ознакомился с созвездиями, можно сообщить ему некоторые сведения о нашем планетном мире: для этой цели неплохо сделать ему чертеж Коперника и по этому чертежу объяснить положение планет, их относительные расстояния от солнца, центры их вращения. Это наиболее легкий и естественный путь для подготовки его к пониманию движения и теории планет. Ибо, так как астрономы больше не сомневаются в движении планет вокруг солнца, его следует ознакомить с этой гипотезой не только потому, что это простейшая и наименее сложная гипотеза для учащегося, но в то же время и наиболее правдоподобная сама по себе. Но и в данном случае, как и во всех других частях обучения детей, нужно тщательно стараться начинать с ясного и простого, нужно сообщать детям возможно меньше сведений одновременно и хорошенько укреплять эти знания в их головах, раньше чем идти дальше и сообщать что-либо новое из этой науки. Дайте им сначала одну простую идею и проследите, чтобы они ее правильно поняли и вполне усвоили раньше, чем перейти к следующей, а затем присоедините следующую по вашему плану и по цели, которую вы себе ставите, и так, подвигаясь легкими и незаметными шагами, не запутываясь и не смущаясь, детские умы развернутся и их умственный кругозор расширится значительно дальше, чем вы, может быть, ожидаете. Когда же мальчик сам научился чему-либо, то нет лучшего способа закрепить это в памяти и поощрить его к продолжению учения, чем заставив его учить тому же других.

Геометрия

§ 181. После того как он ознакомился с глобусом в объеме, указанном мною выше, полезно попытаться обучить его немного геометрии: я думаю, что достаточно для него усвоить первые шесть книг Эвклида; ибо я несколько сомневаюсь, чтобы деловому человеку было необходимо и полезно знать больше. Во всяком случае, если у него есть талант и влечение к этой науке, то, пройдя ее в указанном объеме под руководством своего воспитателя, он будет в состоянии продолжать ее изучение самостоятельно, без помощи преподавателя.

Поэтому глобусы надо изучать, и изучать тщательно, и я думаю, что начать это изучение можно рано, если только воспитатель будет

§ 202. Поскольку склонность детей к деятельности всегда должна направляться на что-нибудь полезное для них, следует учитывать два рода выгод, которых можно ожидать от их занятий:

Искусство, усвоенное путем упражнения, само по себе заслуживает того, чтобы его усвоить. Таковы не только знания языков и наук, но и также живопись, токарное дело, садоводство, закаливание и обработка железа и все другие полезные искусства, заслуживающие усвоения.

Упражнение, как таковое, независимо от каких бы то ни было других соображений необходимо или полезно для здоровья.

Знание некоторых вещей настолько необходимо усваивать детям, пока они молоды, что усовершенствованию в этих вещах должна быть посвящена некоторая часть их времени, хотя бы эти занятия вовсе не способствовали их здоровью. Таковы чтение и письмо и все другие занятия, связанные с сидением на месте, цель которых – воспитание их ума и которые неизбежно отнимают у джентльменов значительную часть их времени с самых ранних лет.

Из ручных ремесел, для усвоения которых, равно как и для упражнения в них, требуется физический труд, многое благодаря этому упражнению не только увеличивает нашу ловкость и искусство, но укрепляет также наше здоровье, особенно если ими заниматься на открытом воздухе. В них, следовательно, можно сочетать усовершенствование с улучшением здоровья; из них следует выбрать подходящие в качестве развлечения для людей, чье главное занятие связано с книгами и учением. При этом выборе нужно сообразоваться с возрастом и склонностями данного человека и, привлекая его к делу, избегать принуждения. Ибо приказание и насилие часто вызывают отвращение, но никогда не излечивают от него: за какое бы дело вы ни засадили человека насильно, он при первой же возможности немедленно бросит его; да к тому же, пока он занимается им, оно приносит ему мало пользы и еще меньше развлечения. [...]

Садоводство

§ 204. Для сельского джентльмена я предложил бы одно из следующих двух занятий или еще лучше и то и другое: садоводство или вообще сельское хозяйство и работы по дереву, как-то: плотничью, столярную, токарную; ибо для кабинетного или делового человека они являются полезным и здоровым развлечением. Душа не выдерживает постоянного занятия одним и тем же предметом или одним и тем же приемом работы, и люди, ведущие сидячую кабинетную жизнь, должны иметь какое-нибудь упражнение, которое б могло в одно и то же время развлекать их душу и давать занятие телу и я не знаю в этом отношении ничего лучше, чем указанные два занятия, когда погода или время года не позволяют ему заняться одним, он может заняться

Бухгалтерия

§ 210. Но если заблуждающиеся родители, которых приводят в ужас такие неприятные слова, как «механическая работа», отвергнут для своих детей какое бы то ни было занятие этого рода, то есть одна вещь, относящаяся к торговле, изучение которой они, по здравом размышлении, признают для своих сыновей, безусловно, необходимым.

Знание бухгалтерии не поможет джентльмену нажить состояние; однако нет, пожалуй, более полезного и действительного способа сохранить ему то состояние, которым он обладает, чем бухгалтерия. Редко приходится наблюдать, чтобы допустил свои дела до полного расстройств тот, кто ведет счет своим доходам и расходам и, таким образом, постоянно имеет перед своими глазами движение своих хозяйственных дел; и я не сомневаюсь, что многие впадают в долги, не замечая этого, или еще дальше расстраивают свои дела, однажды допустив это, только потому, что не заботятся о ведении этого учета или не умеют этого делать. Поэтому я бы рекомендовал всякому джентльмену изучить основательно бухгалтерию и не думать, что это искусство ему не нужно потому, что оно получило свое название от торговых людей и ими главным образом применяется.

§ 211. Коль скоро мой юный барчук научился вести счета (дело скорее соображения, чем арифметики), то будет нелишним, если отец будет впредь требовать от него ведения счета во всех его личных делах. Я не хочу сказать, что он должен записывать каждую пинту вина или игру, стоившие ему денег: для этих вещей вполне достаточна одна общая рубрика расходов. Я не желал бы также, чтобы отец слишком подробно рассматривал эти счета, с тем чтобы на их основании критиковать его расходы; он должен помнить, что он сам был когда-то молодым человеком, и не должен забывать, какие мысли ему были тогда свойственны и что его сын имеет сейчас право на такие же мысли и может требовать снисходительного отношения к ним. Поэтому, если я желал бы, чтобы молодого джентльмена обязали вести счета, то вовсе не с тою целью, чтобы таким путем вмешивались в его расходы (ибо отец должен предоставить ему полную свободу в распоряжении теми средствами, которые он ему выдает), но исключительно для того, чтобы с ранних лет приучить его и сделать для него легким и привычным то, что ему будет столь полезно и необходимо неуклонно практиковать в течение всей жизни. Один знатный венецианец, сын которого утопал в богатстве своего отца, найдя, что расходы последнего растут сверх всякой меры, приказал своему кассиру на будущее время не выдавать его сыну больше денег, чем тот в состоянии будет каждый раз при получении сосчитать. Можно было бы подумать, что это не очень большое стеснение для юного джентльмена в его расходах, раз он может свободно получать столько денег, сколько он в состоянии сосчитать. Однако для человека,

Строй с ранних пор ограду вокруг души твоего дитяти; окружность может наметить иной, но ты одна должна ставить решетку на ней.

4. Растениям дают определенный вид посредством культуры, а людям – посредством воспитания. Если бы человек родился рослым и сильным, его рост и сила были бы для него бесполезны до тех пор, пока он не научился бы пользоваться ими; они были бы вредны ему, так как устраняли бы для других повод пособлять ему, а предоставленный самому себе, он умер бы от нищеты прежде, чем узнали бы о его нуждах.

Жалуются на положение детства, а не видят, что человеческая раса погибла бы, если бы человек не начинал с того, что является ребенком.

5. Мы рождаемся слабыми, – нам нужна сила; мы рождаемся всего лишенными, – нам нужна помощь; мы рождаемся бессмысленными, – нам нужен рассудок. Все, чего мы не имеем при рождении и без чего мы не можем обойтись, ставши взрослыми, дано нам воспитанием.

6. Воспитание это дается нам или природою, или людьми, или вещами. Внутреннее развитие наших способностей и наших органов есть воспитание, получаемое от природы; обучение тому, как пользоваться этим развитием, есть воспитание со стороны людей, а приобретение нами собственного опыта относительно предметов, дающих нам восприятия, есть воспитание со стороны вещей.

7. Каждый из нас, значит, есть результат работы троякого рода учителей. Ученик, в котором эти различные уроки противоречат друг другу, дурно воспитан и никогда не будет в ладу с самим собою; в ком они все попадают в одни и те же пункты и стремятся к одним и тем же задачам, тот один идет к своей цели и живет правильно. Он один хорошо воспитан.

8. Меж тем из этих трех различных видов воспитания воспитание со стороны природы вовсе не зависит от нас; воспитание со стороны вещей зависит лишь в некоторых отношениях. Воспитание со стороны людей – вот единственное, в котором мы сами – господа; да и тут мы только самозванные господа, ибо кто может надеяться всецело управлять речами и действиями всех, кто окружает ребенка?

9. Коль скоро, таким образом, воспитание есть искусство, то почти невозможно, чтоб оно было успешным, потому что совпадение вещей, необходимое для его успешности, не зависит от человека. Все, что можно сделать с помощью забот, – это более или менее приблизиться к цели, но чтобы достигнуть ее, для этого нужно счастье.

10. Какова же эта цель? Это та самая, которую имеет природа, как только что доказало. Так как совпадение трех видов воспитания необходимо для его совершенства, то два другие следует направлять согласно с тем, на которое мы не имеем никакого влияния. Но, может быть, это слово «природа» имеет слишком неопределенный смысл; нужно попробовать здесь точнее установить его.

придумать что-нибудь безрассуднее этой методы – так воспитывать ребенка, как будто бы ему не предстоит никогда выходить из своей комнаты, как будто он должен быть беспрестанно окруженным своими «людьми»? Если несчастный ступит хоть шаг по земле, если спустится на одну хоть ступеньку, – он пропал. Это не значит учить его выносить бедствия: это значит развивать восприимчивость к ним.

32. Думаю только о том, как бы уберечь своего ребенка; это недостаточно: нужно научить, чтоб он умел сохранять себя, когда станет взрослым, выносить удары рока, презирать избыток и нищету, жить, если придется, во льдах Исландии или на раскаленном утесе Мальты. Каких бы вы ни предпринимали предосторожностей, чтоб он не умер, ему придется все-таки умереть, и если смерть его не была бы результатом ваших забот, последние все-таки были бы превратно направленными. Все дело не в том, чтобы помешать ему умереть, а в том, чтобы заставить его жить. А жить – это не значит дышать; это значит действовать, это значит пользоваться нашими органами, чувствами, способностями, всеми частями нашего существа, дающими нам сознание нашего бытия. Не тот человек больше всего жил, который может насчитать больше лет, а тот, кто больше всего чувствовал жизнь. Иного хоронят столетним старцем, а он умер с самого рождения. Ему выгоднее было бы сойти в могилу юношей, если б он прожил хоть до юности.

33. Вся наша мудрость состоит в рабских предрассудках; все наши обычаи – не что иное, как подчинение, стеснение, принуждение. Человек-гражданин рождается, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают в свивальник, по смерти заколачивают в гроб; пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями.

34. Говорят, что многие повивальные бабки выправляют голову новорожденных детей, воображая, что придают ей более соответствующую форму, – и это терпится! Наши головы, видите ли, дурно устроены Творцом нашего бытия: их приходится переделывать – извне повивальным бабкам, изнутри философам, караибы на половину счастливее нас.

35. Едва ребенок вышел из чрева матери, едва получил свободу двигать и расправлять свои члены, как на него налагают новые узы. Его спеленывают, укладывают с неподвижной головой, с вытянутыми ногами, с уложенными вдоль тела руками; он завернут во всякого рода пеленки и перевязки, которые не позволяют ему переменить положение. Счастье его, если он не стяннут до того, что нельзя дышать, и если догадались положить его на бок, чтобы мокроты, которые должны выходить ртом, могли стекать сами собою: иначе он не имел бы возможности повернуть голову набок, чтобы способствовать их стоку.

36. Новорожденный ребенок имеет потребность протягивать и двигать свои члены, чтобы вывести их из онемения, в котором они так долго оставались, будучи собранными в клубок. Их, правда, вытягивают, но зато мешают им двигаться; голову закутывают даже в чепчик: подумаешь, люди боятся, как бы ребенок не подал признака жизни.

37. Таким образом, импульс внутренних частей тела, стремящегося к росту, встречает непреодолимое препятствие для потребных ему движений. Дитя непрерывно делает бесполезные усилия, которые истощают его силы или замедляют их развитие. В сорочке он был менее сжат, менее стеснен, менее сдавлен, чем теперь в пеленках; я не вижу, что он выиграл своим рождением.

38. Бездействие, принужденное состояние, в котором держат члены ребенка, может только стеснять обращение крови, соков, мешает ребенку крепнуть, расти и уродует его телосложение. В местностях, где не принимают этих сумасбродных предосторожностей, люди все рослы, сильны, хорошо сложены. Страны, где закутывают детей в пеленки, кишат горбатыми, хромыми, косолапыми, кривоногими рахитиками, людьми, изуродованными на все лады. Из боязни, чтобы тело не обезобразилось от свободных движений, спешат обезобразить его укладыванием в тиски. Ребенка охотно сделали бы параликом, чтобы помешать ему стать уродливым.

39. Столь жестокое принуждение может ли не влиять на нрав, равно как и на темперамент детей? Их первое чувство – чувство боли и муки: все движения, в которых они чувствуют потребность, встречают одни только препятствия; будучи более несчастными, чем преступник в оковах, они делают тщетные усилия, раздражаются, кричат. Вы говорите, что первые звуки, ими издаваемые, – это плач? Охотно верю: вы досаждаете им с самого их рождения; первыми дарами, которые они встречают от вас, есть мучения. Если они ничего не имеют свободным, кроме голоса, как же не пользоваться им для жалоб? Они кричат от страдания, которое вы им причиняете; если бы вас так спутали, вы кричали бы громче их. [...]

62. Итак, если вы хотите, чтоб он сохранял свой оригинальный вид, берегите этот вид с той самой минуты, как ребенок является в мир. Лишь только он родится, завладевайте им и не покидайте его, пока он не станет взрослым; без этого вы никогда не добьетесь успеха. Как настоящая кормилица есть мать, так настоящий наставник есть отец. Пусть они условятся между собой в порядке исполнения своих обязанностей, равно как и в системе; пусть из рук одной ребенок переходит в руки другого. Рассудительный и ограниченный отец лучше его воспитает, чем самый искусный в мире учитель, ибо усердием лучше заменяется талант, чем талант усердием.

способны к прогрессивному движению, и они должны были бы иметь чувства и приобретать познания, в противном случае виды скоро погибли бы. [...]

136. Единственной привычке нужно дать возможность развиваться в ребенке: это – не усваивать никаких привычек. Пусть его не носят на одной руке чаще, чем на другой; пусть не приучают одну руку скорее протягивать или чаще пускать в дело, чем другую; пусть не приучают есть, спать, действовать в одни и те же часы; пусть он не боится ни ночью, ни днем одиночества. Подготовляйте исподволь царство свободы и умение пользоваться своими силами, предоставляя его телу привычки естественные, давая ему возможность быть всегда господином самого себя и во всем поступать по своей воле, как только будет иметь ее.

137. Когда ребенок начинает различать предметы, важно уметь делать выбор между предметами, которые ему показывают. Очень естественно, что все новые предметы интересуют человека. Он чувствует себя столь слабым, что боится всего, с чем не знаком; привычка же видеть новые предметы без особенного возбуждения уничтожает этот страх. Дети, воспитанные в домах, где соблюдается чистота, где не терпят пауков, боятся последних, и эта боязнь остается у иных часто и в зрелом возрасте. Но я не видывал, чтобы кто-либо из крестьян – мужчина, женщина или ребенок – боялся пауков.

138. Как же не начинать воспитание ребенка еще прежде, чем он станет говорить и понимать, если уж один выбор предметов, которые ему показывают, способен сделать его или робким, или мужественным? Я хочу, чтоб его приучали к виду новых предметов, к виду безобразных, отвратительных, причудливых животных, но не иначе, как постепенно, исподволь, пока он не освоится с ними и, видя, как другие берут их в руки, не станет наконец и сам брать их. Если в детстве без ужаса он глядел на жаб, змей, раков, то и, выросши, он без отвращения будет смотреть на какое угодно животное. Нет предметов ужасных для того, кто видит их каждый день. [...]

188. Ребенок, начинающий говорить, должен слышать только такие слова, которые может понять, и говорить только такие, которые может выговаривать членораздельно. Усилия, им употребляемые для этого, ведут к тому, что он повторяет один и тот же слог, – как бы для того, чтобы научиться более отчетливее произносить его. Если он начинает бормотать, не мучьтесь так сильно над угадыванием того, что он говорит. Претензия на то, чтобы всегда быть выслушиваемым, есть тоже род власти, а ребенок не должен пользоваться никакою властью. Пусть довольно будет и того, что вы очень внимательно печетесь о необходимом; а это уж его дело, если он старается дать вам понять, что ему не очень необходимо. Тем более не следует ребенка торопить, чтоб он говорил, – он сам хорошо научится говорить по мере того, как будет чувствовать полезность этого.

Книга вторая. Детский возраст

Рост силы. Естественная зависимость ребенка от окружающего; воспитание, задерживающее естественные потребности. Понятие о собственности. Упрямство и ложь. Неуместность книжного обучения в первом возрасте. Телесное воспитание. Правильное развитие чувств. Возраст от 2 до 12 лет.

[...] 11. Люди, будьте человечны! Это ваш первый долг. Будьте такими по отношению ко всякому состоянию, всякому возрасту, во всем, что только не чуждо человеку! Разве есть какая-нибудь мудрость для вас вне человечности? Любите детство, будьте внимательны к его играм и забавам, к его милому инстинкту! Кто из вас не жалел подчас о том возрасте, когда улыбка не сходит с уст, когда душа наслаждается постоянно миром? Зачем хотите вы отнять у этих невинных малюток возможность пользоваться временем, столь кратким и столь быстро от них утекающим, этим драгоценным благом, злоупотреблять которым они еще не умеют? Для чего вы хотите наполнить горестью и страданиями первые годы, которые мчатся так быстро и не возвратятся уже для них, как не могут возвратиться и для вас? Отцы! разве вы знаете момент, когда смерть ожидает ваших детей? Не готовьте сожалений, отнимая у них тот небольшой запас минут, который дает им природа: как скоро они в состоянии чувствовать удовольствие существования, дайте им возможность наслаждаться жизнью; позаботьтесь, чтобы они не умерли, не вкусивши жизни, в какой бы час Бог их не призвал!

12. Сколько голосов готовы подняться против меня! Я издали слышу вопли той ложной мудрости, которая беспрестанно отвлекает нас от самих себя, настоящее считает всегда за ничто, неутомимо преследуя будущее, которое убегает по мере приближения к нему, – той мудрости, которая, перенося нас туда, где нас нет, переносит таким образом и туда, где мы никогда не будем.

13. В это-то время, говорите вы, и нужно исправлять дурные склонности человека; в детском именно возрасте, когда скорби менее всего чувствительны, и нужно умножать их, чтобы предохранить от них разумный возраст. Но кто вам сказал, что все это распределение в ваших руках и что все те прекрасные наставления, которыми вы отягощаете слабый ум ребенка, не будут для него со временем скорее губительны, чем полезны? Кто вас уверил, что вы что-нибудь выгадываете теми печальями, которыми вы так щедро его наделяете? Зачем вы ему уделяете больше бедствий, чем их связано с его состоянием, не будучи уверенными, что эти настоящие бедствия послужат облегчением для будущего? И как вы докажете, что дурные склонности, которые вы претендуете искоренить, не порождены

51. Рассуждать с детьми было основным правилом Локка, оно в большой моде и теперь; однако успех его, мне кажется, вовсе не доказывает, что его и действительно нужно пускать в ход: что касается меня, то я не видал ничего глупее детей, с которыми много рассуждали. Из всех способностей человека разум, который представляет собою, так сказать, объединение всех других, развивается труднее всего и позже всего, а им-то и хотят воспользоваться для развития первых способностей! Верх искусства при хорошем воспитании – сделать человека разумным, тут претендуют воспитывать ребенка с помощью разума! Это значит начинать с конца, из работы делать инструмент, нужный для этой работы. Если бы дети слушались голоса разума, они не нуждались бы в воспитании; но, говоря с ними с самого малого возраста языком, которого они не понимают, мы приучаем их отделяться словами, проверять все, что им говорят, считать себя такими же умными, как и наставники, быть спорщиками и упрямыми; а чего думаем достигнуть от них мотивами, основанными на разуме, все это получается исключительно в силу алчности, страха, тщеславия, к которым мы вынуждены всегда прибегать вдобавок к первым мотивам.

52. Вот формула, к которой можно свести почти все уроки нравственности, какие дают и какие можно давать детям:

Учитель. Этого не должно делать.

Ребенок. А почему же не должно делать?

Учитель. Потому что это дурной поступок.

Ребенок. Дурной поступок! А что такое дурной поступок?

Учитель. Дурно поступать – значит делать то, что тебе запрещают.

Ребенок. Что же будет дурного, если я сделаю, что запрещают?

Учитель. Тебя накажут за непослушание.

Ребенок. А я так сделаю, что об этом ничего и не узнают.

Учитель. За тобой станут следить.

Ребенок. А я спрячусь.

Учитель. Тебя будут расспрашивать.

Ребенок. А я солгу.

Учитель. Лгать не должно.

Ребенок. Почему же не должно лгать?

Учитель. Потому что это дурной поступок и т. д.

Вот неизбежный круг. Выйдите из него, и ребенок перестанет вас понимать. Не правда ли, как полезны эти наставления? Мне очень интересно было бы знать, какими рассуждениями можно заменить этот диалог. Сам Локк был бы, наверное, в большом затруднении. Распознавать благо и зло, иметь сознание долга – это не дело ребенка.

после этого нарочно бить окна. Проследите цепь, связывающую все это. Копая ямку, чтобы посадить свой боб, маленький шалун и не думает, что он копает яму, куда скоро засадит его жизненный опыт...

147. Устраняя таким образом все обязанности детей, я устраняю и орудия, причиняющие им наибольшее горе, – именно книги. Чтение – бич детства и почти единственное занятие, которое умеют дать им. Эмиль в двенадцать лет едва ли будет знать, что такое книга. Нужно же, по крайней мере, скажут мне, чтоб он умел читать. Согласен: нужно, чтобы он умел читать, когда чтение ему полезно; до этой поры оно годится лишь на то, чтобы надоедать. [...]

149. Немало хлопочут найти лучшие методы для обучения чтению, придумывают конторки, карточки; комнату ребенка превращают в мастерскую типографии. Локк хочет, чтобы ребенок учился читать по игральным костям. Не правда ли, какое прекрасное изобретение? Как жаль! Средство более верное, чем все это, – средство, о котором всегда забывают, – это желание учиться. Внушите ребенку это желание и затем оставьте в покое ваши конторки и игральные кости, – всякая метода будет хороша для него.

150. Непосредственный интерес – вот великий двигатель, единственный, который ведет верно и далеко. Эмиль получает иной раз от отца, родных или друзей записки с приглашением на обед, прогулку, катанье на лодке, с приглашением посмотреть какой-нибудь общественный праздник. Записки эти коротки, ясны, отчетливо и хорошо написаны. Нужно найти кого-нибудь, кто бы прочел их; такого человека не всегда найдешь в данное время или он мало склонен к услуге за вчерашнюю неуслужливость ребенка. Таким образом, случай, момент проходит. Наконец ему читают записку, но уже поздно. Ах, если бы он сам умел читать! Получают еще записки: они так коротки! содержание так интересует! Хотелось бы попробовать разобрать их; другие то помогают, то отказывают. Ребенок напрягает силы, наконец разбирает половину записки: дело идет о том, что завтра предстоит есть крем... Но где и с кем? Сколько тратится усилий, чтобы прочитать и остальное! Я не думаю, чтоб Эмилю понадобилась конторка. Стоило ли говорить теперь о письме? Нет, мне стыдно пробавляться такими пустяками в трактате о воспитании.

151. Прибавлю только одно замечание, которое является важным правилом: чего не торопятся добиться, того добиваются обыкновенно наверняка и очень быстро. Я почти уверен, что Эмиль до десятилетнего возраста отлично научился читать и писать именно потому, что для меня совершенно все равно, научится он этому до пятнадцати лет или нет; но я лучше хотел бы, чтоб он никогда не умел читать, лишь бы не покупать этого умения ценою всего того, благодаря чему самое умение становится

166. Оставляя его таким образом господином своей воли, вы не станете вызывать его на капризы. Не чувствуя, что он поступает так, как следует, он скоро будет делать только то, что должен делать: и хотя бы тело его находилось в постоянном движении, вы увидите, что и все силы разума, ему доступные, пока дело будет касаться настоящей и видимой выгоды, будут развиваться гораздо лучше и гораздо целесообразнее, чем при занятиях чисто умозрительных.

167. Таким образом, не видя в вас стремления противоречить ему, не питая к вам недоверия, не имея ничего такого, что нужно скрывать от вас, он не станет вас и обманывать, не станет лгать вам; он явится таким, каким бывает, когда не чувствует страха; вам можно будет изучать его на полной свободе, и, какие бы вы ни хотели дать ему уроки, вы можете обставить их так, чтоб он никогда не догадывался, что получает уроки. [...]

215. Ребенок меньше взрослого и не имеет ни силы его, ни разума, но видит и слышит он так же хорошо, как взрослый, или почти так же; вкус у него так же чувствителен, хотя и менее тонок; он так же хорошо различает запахи, хотя и не проявляет такой же чувственности. Из всех способностей первыми формируются и совершенствуются в нас чувства. Их, значит, следует прежде всего развивать, а между тем их только и забывают, ими-то и пренебрегают больше всего. [...]

Книга третья. Отроческий период жизни

Остаток физических сил при незначительности потребностей. Употребление сил для накопления знаний и опыта, нужных в последующей жизни. Знание окружающего внешнего мира: Робинзон. Знание окружающих людей: общество. Ремесло. Переход от чувственного познания к суждению. 12–15-й годы жизни.

[...] 11. Один и тот же инстинкт одушевляет различные способности человека. За деятельностью тела, стремящегося к развитию, следует деятельность ума, который ищет образования. Сначала дети только подвижны, затем они становятся любопытными; и это любопытство, хорошо направленное, есть двигатель возраста, до которого мы дошли теперь. Станем различать всегда наклонности, порождаемые природой, от тех, которые порождаются людским мнением. Есть жажда знаний, которая основана лишь на желании слыть за ученого: есть и другая, которая рождается от естественного для человека любопытства по отношению ко всему, что может его интересовать – вблизи или издали. Врожденное стремление к благосостоянию и невозможность вполне удовлетворить это стремление заставляют человека беспрестанно изыскивать новые средства для содействия ему. Такова первая основа

любознания; это естественное для человеческого сердца влечение, но развитие его совершается лишь пропорционально нашим страстям и нашим познаниям. Представьте себе философа, сосланного на необитаемый остров с своими инструментами и книгами и уверенного, что он проведет одиноко остаток своих дней: он не станет уже хлопотать о системе мира, о законах притяжения, о дифференциальном исчислении; он не откроет, быть может, во всю жизнь ни одной книги; но он ни в каком случае не преминет обойти до последнего уголка свой остров, как бы ни был он велик. Выкинем же из наших первых занятий и те познания, стремление к которым не оказывается естественным для человека, и ограничимся теми, к которым влечет нас инстинкт. [...]

14. Преобразуем ощущения свои в идеи, но не будем сразу перескакивать от предметов чувственно-воспринимаемых к предметам умственным; с помощью первых мы и должны дойти до вторых. При первоначальной работе ума чувства пусть будут всегда нашими руководителями: не нужно иной книги, кроме мира; не нужно иного наставления, кроме фактов. Читающий ребенок не думает, он только и делает, что читает; он не учится, а учит слова.

15. Сделайте вашего ребенка внимательным к явлениям природы, и вы его скоро сделаете любознательным; чтобы поддерживать в нем любознательность, не торопитесь никогда удовлетворять ее. Ставьте доступные его пониманию вопросы и предоставьте ему решить их. Пусть он узнает не потому, что вы ему сказали, а потому, что сам понял; пусть он не выучивает науку, а выдумывает ее. Если когда-нибудь вы замените в его уме рассуждение авторитетом, он не будет уже рассуждать; он станет лишь игрушкой чужого мнения.

16. Вы хотите обучать этого ребенка географии и отправляетесь за глобусами, земными и небесными, за картами; сколько инструментов! К чему все эти представления? Почему не показываете ему прежде всего самый предмет, чтоб он, по крайней мере, знал, о чем вы ему говорите?

17. В один прекрасный вечер мы отправляемся гулять в подходящую местность, где горизонт совершенно открыт и позволяет в полном блеске видеть заход солнца; мы подмечаем предметы, по которым можно признать место заката. На другой день, чтобы подышать свежестью утра, мы снова идем в то же место до восхода солнца. Пустив по небу огненные полосы, оно еще издали дает знать о своем приближении. Пожар увеличивается, восток весь как бы в пламени; блеск его возбуждает в нас ожидание светила еще задолго до его появления: ежеминутно ждешь, что оно вот-вот явится; наконец мы его видим. Блестящая точка сверкнула, как молния, и тотчас наполнила все пространство; покров мрака рассеивается и падает. Человек узнает свое обиталище и находит его разукрашенным.

богат, то или он не пользуется богатством, или вместе с ним пользуется и публика. В первом случае он крадет у других то, чего лишает себя самого, а во втором случае ничем не жертвует обществу. Таким образом, общественный долг целиком остается на нем, пока не выплачивает его только своим добром. – «Но мой отец, наживая его, служит обществу»... – Пусть так: он уплатил свой долг, но не ваш. Вы больше должны другим, чем в том случае, если бы вы родились без состояния, потому что вы родились в благоприятных условиях. Несправедливо было бы, если бы сделанное для общества одним человеком освобождало другого от его собственного долга; ибо каждый, будучи обязан всецело жертвовать собою, может платить лишь за себя самого, и ни один отец не может передать своему сыну право быть бесполезным для своих ближних; а между тем он это именно и делает, когда передает ему, как вы предлагаете, свои богатства, которые служат доказательством труда и наградой за него. Кто в праздности проедает то, чего сам не заработал, тот ворует это последнее, и раньше, которому государство платит за то, что он ничего не делает, в моих глазах почти не отличается от разбойника, живущего на счет прохожих. Вне общества человек изолированный, никому ничем не обязанный, имеет право жить, как ему угодно; но в обществе, где он живет по необходимости на счет других, он обязан уплатить трудом цену своего содержания; это правило без исключений. Труд, значит, есть неизбежная обязанность для человека, живущего в обществе. Всякий праздный гражданин – богатый или бедный, сильный или слабый – есть плут.

138. А из всех занятий, которые могут доставить человеку средство к существованию, ручной труд больше всего приближает его к естественному состоянию; из всех званий самое независимое от судьбы и людей – это звание ремесленника. Ремесленник зависит только от своего труда; он свободен, – настолько же свободен, насколько земледелец есть раб, ибо последний зависит от своего поля, сборами с которого может овладеть другой. Неприятель, государь, сильный сосед, проигранная тяжба могут лишить его этого поля; с помощью этого поля можно притеснять на тысячу манеров; но как только захотят притеснить ремесленника, он сейчас же готов в путь-дорогу: руки – при нем, и он уходит. Несмотря на то, земледелие есть первое ремесло человека: оно самое честное, самое полезное и, следовательно, самое благородное из всех, какими только может он заниматься. Я не твержу Эмилю: «учись земледелию», – он уже знаком с ним. Все полевые работы ему хорошо известны: с них именно он и начал, к ним же постоянно и возвращается. Итак, я говорю ему: «Возделывай наследие отцов твоих». Но если ты потеряешь это наследие или если у тебя нет его, тогда что делать? Учись ремеслу.

139. «Ремесло – моему сыну! сын мой – ремесленник! Сударь, подумали ли вы об этом»?.. Я думал больше вас, сударыня, – вы хотите довести его до того, чтобы он мог быть не чем иным, как лордом, маркизом, князем, а со временем, быть может, меньше, чем нулем; что же касается меня, я хочу наделить его рангом, которого он не может потерять, – рангом, который делал бы честь ему во все времена, – я хочу возвысить его до звания человека, и, что бы там вы ни говорили, у него в этом случае будет меньше равных по титулу, чем при тех титулах, которыми вы его наделите.

140. Буква убивает, дух оживляет. Дело не столько в том, чтобы научить ремеслу ради самого знания ремесла, сколько в том, чтобы победить предрассудки, выражающиеся в презрении к нему. Вам никогда не придется зарабатывать свое пропитание. Ну, что ж? – тем хуже, тем хуже для вас! Но все равно: работайте не по необходимости, – работайте ради славы. Снизойдите до звания ремесленника, чтобы стать выше вашего звания. Чтобы подчинить себе судьбу и вещи, начните с того, чтобы стать независимым от них. Чтобы царствовать путем мнения, воцаритесь сначала над этим мнением.

141. Помните, что не таланта я требую от вас, а ремесла – настоящего ремесла, искусства чисто механического, при котором руки работают больше головы, которое не ведет к богатству, но дает возможность обойтись без него. Я видел, как в домах, обитатели которых были далеки от всяких забот о насущном хлебе, отцы простирали свою предусмотрительность до того, что заботились не только дать детям образование, но и снабдить их такими познаниями, с помощью которых они могли бы при случае добыть себе средства к жизни. Эти дальновидные отцы воображают, что делают нечто важное; но этим не сделано ничего, потому что ресурсы, которыми они думают снабдить своих детей, зависят от той самой судьбы, выше которой они хотят их поставить. Таким образом, при всех своих прекрасных талантах, если обладатель их не встречает обстоятельств, благоприятных для того, чтобы пустить их в дело, он погибнет от нищеты, как и в том случае, если бы не имел ни одного из них...

145. Я решительно хочу, чтоб Эмиль обучался ремеслу. «Честному, по крайней мере, ремеслу!» – скажете вы. Что значит это слово? Разве не всякое ремесло, полезное для общества, честно? Я не хочу, чтобы он был золотошвеем, или позолотчиком, или лакировщиком, как дворянин у Локка; я не хочу, чтоб он был музыкантом, комедиантом, сочинителем книг. За исключением этих и других, им подобных профессий, пусть он выбирает, какое хочет, – я не намерен ни в чем стеснять его. Я предпочитаю, чтоб он был башмачником, а не поэтом, чтоб он мостил

«Борются редкие, редкие кормятся пищей атлетов, Вы же прядете шерсть и мотками в корзины кладете». [...]

156. Если хорошо обсудить все, то я скорее всего желал бы, чтобы моему воспитаннику пришлось по вкусу ремесло столяра. Оно опрятно, полезно; им можно заниматься дома; оно достаточно упражняет тело, требует от работника ловкости и изобретательности, и хотя форма произведений здесь определяется полезностью, но последняя не исключает изящества и вкуса.

157. Если же случится, что гений вашего воспитанника будет решительно направлен к наукам умозрительным, в таком случае я ничего не имел бы против того, чтобы дать ему и ремесло, сообразное с его наклонностями; пусть он учится, например, делать математические инструменты, очки, телескопы и пр.

158. Когда Эмиль будет учиться ремеслу, я думаю учиться вместе с ним, ибо я убежден, что он лишь тому хорошо научится, что мы будем изучать вместе. Итак, мы оба поступим в учение и будем требовать, чтобы с нами обходились не как с господами, а как с настоящими учениками, не в шутку принявшими эту роль – почему бы нам не быть ими и взаправду? Царь Петр был плотником на верфи и барабанщиком в своих собственных войсках: уже не думаете ли вы, что этот государь был ниже вас по рождению или заслугам? Вы понимаете, что я говорю это не Эмилю, а именно вам, кто бы вы там ни были.

159. К несчастью, мы не можем проводить все свое время за верстаком. Мы не для того поступили в учение, чтобы стать рабочими, а для того, чтобы стать людьми, а учение этому последнему ремеслу труднее и продолжительнее всякого другого. Как же нам быть? Неужели брать столярного мастера на час в день, как берут учителя танцев? Нет, в таком случае мы были бы не ремесленными учениками, но школьниками; а наше дело не столько в том, чтобы научиться столярному ремеслу, сколько в том, чтобы поднять себя до звания столяра. Поэтому я держусь того мнения, что нам следовало бы раз или два, по крайней мере, в неделю проводить у мастера целый день – вставать в один с ним час, прежде него приниматься за работу, за его же столом есть, работать по его указаниям и, поужинав с его семьей, если он окажет нам такую честь, возвращаться, если хотим, спать на наши жесткие постели. Вот каким образом изучают зараз несколько ремесел, вот как приучают к работе руки, не пренебрегая в то же время и другим учением. [...]

189. Принужденный учиться сам по себе, он пользуется своим разумом, а не чужим; ибо кто не хочет уступать людскому мнению, тот не должен уступать и авторитету; а большая часть наших заблуждений зарождается не в нас самих, но переходит к нам от других. Результатом

Тема 6 ШКОЛА И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
В РОССИИ В XVII–XVIII вв.

Е. Славинецкий

ГРАЖДАНСТВО ОБЫЧАЕВ ДЕТСКИХ

1. *Вопрос:* Чин наказания детского колико части имать?

Ответ: Три наипаче, первая есть еже младому уму семя благочествия христианского пояти, вторая – еже учения свободная любити и их учиться, последняя – еще о первых жизни своая начатков благолепным обычаем обучатися.

2. *Вопрос:* Что есть гражданство?

Ответ: Есть обычаев добросклонность и человекопочитательство.

3. *Вопрос:* Почему знати то гражданство обычаев?

Ответ: По уму добре умеренному.

4. *Вопрос:* Ум же умеренный откуда знати?

Ответ: От очес, от бровей, от чела вкратца рещи от лица и от всея телеси ипостаси. [...]

О нравах на сретени²

[...] 126. *В.:* Что творити имать детище, аще кто е на пути чести достойной срящет?

О.: С пути уступить, шапку честно сняти, аще же славный человек или достоинства яковаго будут имать, тому поклонитися.

127. *В.:* Приличествует ли детищу сице мысли в себе, егда с ким честным на пути сретится, к чему мне пригодится сей незнаемый?

О.: Не приличествует, понеже сию честь не человеку, но богу воздаем, иже противу лицу стару востати повеле и начальником или иереем сугубую честь воздаяти.

128. *В.:* Егда убо и язычники, идеже он гдьствует³, должно есть чествовати?

О.: Должно есть, ибо (яко святой Павел глаголет) мы должны есмы честь творити всем, им же должна творитися: в сих словесах заключается и язычников началство, и Петр святой глаголет, яко долженствуем быти послушни не точию благим господем, но и злым.

² При встрече.

³ Находится.

129. *В.*: Кому же долженствуем честь первую по бозе воздавати?

О.: Родителем и учителем: овым, яко на свет ны породиша и ради нас многия труды и скорби подяша⁴, сим же, яко мысли наша изрядншую часть человеческую с великими трудами учат и чистят.

130. *В.*: Еще убо се есть человеколюбие, еже сверстники своя взаим честию предваряти?

О.: И зело есть, понеже Павел святыи пиша учит, еже честию друг друга болше себе творите, аще бо равного или меншого шапкою⁵ (яко глаголют) или честию предварим сим не будем последняши, но паче добронравши.

131. *В.*: Како беседовати детище с болшими?

О.: Яко с равными любезно и дружески глаголати имать, тако с болшими честно и кротко: титу⁶ достоинства им приличную часто имать усугубляти; и не имать отити от них, дондеже отпущение возмет или от них будет отпущен.

132. *В.*: Пристойт ли книги или шапку под пазухую держати?

О.: Не приличествует, дабы еси не носил⁷ (яко Горати глаголет) связки хартии под пазухую, яко поселянин ягнята или пьяная баба клубков краденя волны, но просто шапку в руках держати.

133. *В.*: В беседовании с людми где очеса имут зрети?

О.: На глаголющего с тобою имут зрети, яже имут быти приятный и просты и от них же ничтоже гордое и нечестное да явится, такожде убо семо и овамо очеса обращати знамение есть легкомыслия, в землю же зрети есть знамение злыя совести: криво зрети есть знамение гнусающаяся неким.

134. *В.*: Каковым названием кого имать сретати, егда с кем беседует?

О.: Честным, аще же невесть титули суция люди ученыя называти будут учителей, чести достойныя люди славныя незнаемыя будет называть, егда вся себе равная, называть имать братию и другие.

135. *В.*: Кия вещи в беседование мерзки бывают?

О.: Лице разными подобии (яко некоему протесту) изменяти, нос смарщивати, чело навесити, брови подвышати, уст не выставляти, уста разевати или сжимати, главою потрясла, власами трясти, без вины кашляти, покрывати, главу почесывати, во ушесах угабляти, нос вытирати, по лицу потиратися, тыл у главы поглаживати, рамена расширяти, главы повертанием на нечто носоизваляти, киванием главы

⁴ Подняли.

⁵ Если перед равными себе или меньшим первыми снимаем шапку или отдадим честь.

⁶ Титул, наименование.

⁷ Дабы ты не носил, как говорит Гораций, связанные свитки за пазухой, как поселянин ягнят или пьяная баба клубки краденой шерсти.

втыл звати кого, краткоже глаголя поставою или киванием или некоим маанием с людми глаголати.

136. *В.*: В беседовании с людми кия вещи зело бесчестны суть?

О.: Раменами шагати, перстами пребирати, с ноги на ногу шататися, всем телом прекланятися, речь кому пресецати первее, неже совершит ю.

137. *В.*: Каков долженствует быти глас?

О.: Приятный и тихий, некрикливый, ниже понижен, даже бы ко ухе не дошел соглаголящему⁸ тебе.

138. *В.*: Каково имат быти глаголение?

О.: Нескорое, дабы разума не предваряло, но протяжено и явственно и разделно, еже природное закивание и повторение словес направляти обычей⁹.

139. *В.*: Како детище (аще сего потреба случится) вещь какову, стыд или мерзость приносящую, именовати имат?

О.: Ону стыдливым окружением слова¹⁰ назнаменует, сию же, прощение взем, повест.

140. *В.*: Еже аще хотел бы еси в умолчании или в потаении имети, кому имаши выирити?¹¹

О.: Никому: понеже смешно есть, еже надеяться от кого молчания, его же сам в себе удержати не могл еси.

141. *В.*: Что же наипаче дружество соединяет и приятство хранити обыче?

О.: Обучение доброты, единыя вещи хотети и не хотети, общее благоволение, нравы всех человек носити и терпети, самолюбия не имети, не возноситься вышше иных, веры и знамения дружества древнего не вредити, благодеяния всегда памятовати, приятелю усердно служати и угождати. [...]

О обычаях во училищах и како слушати чтения

[...] 143. *В.*: Во училищах како должнствуют пребывати дети?

О.: Должнствуют любити молчание и воздержание; никиим шептанием и беседами невежливыми пресецати чтения; стерещися должни, да не восприимут достойного наказания: егда будут наказуеми в должностях своих, гордо да не освещавают и влекутся всякого возвышения и злобе словес или досады; облекутся же во остроумие охотное и податное ко учению, всегда прилежно ушесы готовыми да слушают, проповеданному им усердно да внемлют, иже им учитель повесть да не препустят мимо ушес и еже услышат, яко некое сокровище.

⁸ Не крикливый, но и не настолько тихий, чтобы он не доходил до слуха разговаривающего с тобой.

⁹ Как принято исправлять природное закивание и (ненужное) повторение слов.

¹⁰ Первую обозначить стыдливым иносказанием (намеком).

¹¹ Доверить, поверить.

144. *В.*: Что должен речи юноше многословному и неприлично велеглаголивому?

О.: Не стыдитесь ли (рече) из слоновых влагалищ меч свинцовый извлагати.

145. *В.*: Что должны творити дети, егда из училища отпустятся?

О.: Скоро в дом да спешат; не бегом потекут, яко усмошевцы спешащие на торжище; не должны воплствовать, яко оный стентор; ниже мятеж некий творити, аки неистовствующими кони, егда взыграция им; ниже паки бегати подобает, яко скоту, семо и овамо; аще что в дому повелится им творити, должны то усердно и без роптания творити и содеяти, ко учению же паки не чрез понуждение, но усердно да возвратятся.

О игрании

146. *В.*: Что потребно во игрании честным?

О.: Благая мысль и умерение, не лесть, не лежа, не упорство, еже свары раждает, но мир – всякого блага мати.

147. *В.*: Чесо ради попускается играние?

О.: Утешения ради и отрады смысла ученими тружденного, а не ради некоего приобретения.

148. *В.*: Что украшает играние?

О.: Постоянство, честное веселие, борзость, крепость смысла, чинелюбовь, общая играти истинно и праведно ти, яко глаголют верно добротую и не кознию или ухищрением во игре тебе ждати.

149. *В.*: Кия игры заповеданны суть?

О.: Всякое костырство кости, карты, купание в воде.

150. *В.*: Кая же убо упражнения суть честная и детям приличная?

О.: Кубарь, мечик, кики, обучение телесе в труды, скоротечение, италийский мечик и нравыскавание различных скакати, яко коник или саранча травная, скакати обе нозе совокупив и на едином ноге и прочая.

151. *В.*: Кое же убо собственнейшее есть одоление?

О.: Самого себе победита, сего ради зело вяще есть уклонитися упрямства, нежели победу взяти.

152. *В.*: Где наиначе познавается естество или острота детская?

О.: В игрании, понеже ему же летити, ему же лгати, ему же сваритися, гневатися, насилствовать, тщеславитися, кичитися естество есть приклонно: zde вред инаврение (sic!) естественное является.

153. *В.*: Кия же вещи детские естны и во игре приличны суть?

О.: С никим любопретися, егда же лучитя прийти к свару извалити, паче победитися, нежели венец одаления взяти, или возложитися на рассуждения людей, а что друг изобрящет, не быти противу тому

никакова начинати мятежа, ниже воплыствовати¹², не крамалитися¹³, никому же тщеты творити сего ради, брате, егда хоцещи играти или ино что творити, помни словеса святого апостола Павла: всяка ярость и напыщение, и гнев, и вопль, и злословие да отыметя от вас со всякою злобою.

154. *В.:* Чим убо бывает игра утешней?

О.: Егда с неумеющими играя, аще и можещи всегда побеждать, даси им времени победити тя, или, еда с худшим играя не паметуеши, яко честней еси одного.

155. *В.:* Кии убо игры мусикии суть приличнешия?

О.: Любити мусикию, сладкопение и игранием на органех всяких остроту ума обучати.

156. *В.:* Подобаает ли детищем играющим ставити пенязи, пера, книжицы, завязки и прочая?

О.: Много сие на дети, понеже сине к татбе окно отверзает и на злая дела обыче быти подущение нравом детским. [...]

158. *В.:* О что убо дети играти будут?

О.: Погубивый по совещанию да сотвори, еже повелит ему победивый его: или храмину уметет, или на руце воды принесет, или стихи некия на памет прочтет, или по совещанию в лопянове венце походит, или ино что сичевое да сотворит.

М. В. Ломоносов

ПРОЕКТ РЕГЛАМЕНТА МОСКОВСКИХ ГИМНАЗИЙ

Глава третья

О наставлении школьников

§ 17

Во-первых, при обучении школьников паче всего наблюдать должно, чтобы разного рода понятиями не отягощать и не приводить их в замешательство. Итак, ежели принятый школьник еще российской грамоте не знает, должен только в российском первом классе потоле обучаться, пока читать и писать искусен будет.

§ 18

Ежели который школьник грамоте российской довольно искусен в Гимназию вступил, того, обучив первым основаниям российской

¹² Плакать.

¹³ Не быть коварным.

---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---■---
грамматики в нижнем классе, обучать в латинской школе в нижнем классе что показано четыре дни в неделю; а прочие два дни в школе первых оснований наук показывать арифметику.

§ 19

Потом по произведении обучать в российской школе во втором классе два дни в неделю; во втором же классе латинском – три дни, да геометрии и географии – один день.

§ 20

В верхнем классе в латинской школе три дни, в российской – один день, в философии – два дни.

§ 22

Арифметику, геометрию и географию показывать на российском языке, философии первые основания – на латинском.

§ 24

Сим языкам обучать не так, как обыкновенно по домам принятые информаторы одною практикою, но показывать и грамматические правила. Притом излишним оных множеством не отягощать, особливо сначала практику употреблять прилежно, слова и разговоры твердить, упражняться в переводах и сочинениях.

Глава четвертая

О экзерцициях гимназических

§ 25

Экзерциции суть двояки, школьные и домашние. Школьные бывают в Гимназии приватно при одном учителе или при собрании других школ, а иногда и публично в ректорском классе. Домашние экзерциции на дом от учителя задаются.

§ 26

Первая школьная экзерциция есть чтение изусть заданного урока в первый час по входе в школу, прежде приходу учительского, который урок слушать должен старший школьник того же классу и, знает ли кто урок свой или нет, записывать в таблице и класть на стол перед учителя, что учитель сам свидетельствовать может.

§ 27

Вторая школьная экзерциция: короткие задачи переводить какие сентенции или переменять фразисы стихами и прозою, не пишучи. Материи выбирать по тому, в каком то будет классе. Сие служить будет к немалому в учении поощрению, однако чинить тогда, ежели учителю по окончании своей лекции времени до выходу останется.

§ 28

При собрании школ обоих гимназий быть экзерцициям на каждый месяц при окончании: один день поутру и пополудни, где учителя общие имеют всем задавать материи для переводу или предложения фразисов прозою и стихами, чтобы то делали школьники, не смотря в книги и не пишучи.

§ 29

Публичным экзерцициям быть по каждую полгода только в верхнем классе, где некоторые школьники имеют говорить речь своего сочинения под ректорским присмотром на российском и латинском языках, прозою и стихами.

§ 30

Домашние экзерциции, которые между школьными лекциями кроме уроку что выучить должно, от учителей на дом задаются, должны быть короткие переводы с российского на латинский, с латинского на российский или предложения с прозы на стихи, смотря по классам. Оные задавать трожды в неделю на ночь, а в обеднее время для краткости времени того не делать. Позволить школьникам упражнения по своей охоте для показания каждому своего особенного рачения и понятия. Сии могут быть подобны вышеписанным задачам, или кто хочет, имеет выучить сверх уроку несколько стихов или краткую речь в прозе из классических авторов.

§ 31

Сие все будет служить не токмо к скорому обучению, но и к обстоятельному познанию остроты и прилежания каждого школьника, что всё дабы ясно и подробно видеть можно было, должно иметь помесячные таблицы, в которых показывать каждого школьника повсядневное поутру и ввечеру поведение в школах и исправление домашних экзерциции. [...]

§ 33

Для помесячных экзерциции должно быть общей табели у ректора, в которой записывать каждого прилежание, остроумие, разделяя на три статьи на лучших, посредственных и последних.

§ 34

Для тех, которые в ректорском классе полгодичные экзерциции публично имели, иметь особенные записки со мнением о их искусстве Гимназии инспектора и ректора.

§ 35

Все школьные табели помесячно, а записки в каждую полгода вносить в директорию на рассмотрение, где по обстоятельствам директор с инспектором Гимназии распределять будут, а особенно того смотреть, чтобы остроумные и прилежные отличены были от тупых и нерадивых. [...]

В. Н. Татищев

РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ О ПОЛЬЗЕ НАУК И УЧИЛИЩ

Вопрос

Чему учиться?

Я хотя вас сначала спрашивал, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но, по многом разговоре от того отделились, того ради прошу, чтоб мне обстоятельно сказали, чего человеку учиться нужно.

Ответ

Я вам прежде сказал, что нужно человеку о том прилежать, чтоб в совершенство прийти и оное сохранить, пребывание елико по естеству возможно продолжить, удовольствие, а потом и спокойность приобрести, по которым и науки суть разных свойств и качеств, и хотя все их подробну толковать весьма пространно и в великую книгу уместить не можно, однако ж я вам кратко скажу: в начале науки разделяются у философов по объявленным свойствам сугубо: душевное – богословие и телесное – философия.

По первому к совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтоб память, смысл и суждение в добрый порядок привести и сохранить. Другое внешнее, как вам прежде сказал, еже душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внешних прилежать, дабы ни один член из надлежащего природного состояния не выступил или не повредился. [...]

Вопрос

Как благоустроить училища в России?

Я вас последнюю спрошу: какя училища, где вы за полезнейше учредить разумеете?

Ответ

Сие вам выше показано и особливо указы Петра Великого изъявляют, что по всем губерниям, провинциям и городам учредить надлежит, на которое он все монастырские излишние сверх необходимо нужных на церкви доходы определил, и оных весьма достаточно; еще же и богу приятно, что такие туне гнблющие доходы не на иное что, как в честь богу и пользу всего государства употреблять. Но при том нужно смотреть, чтоб: 1) оные особливо что шляхетству нужно, особно от подлости отделено было; 2) чтоб учителя к показанию и наставлению нужнаго и полезнаго способны и достаточны, а паче от подаяния соблазна безопасны были; 3) чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книг и инструментов надобно иметь с довольством; 4) чего, казенное или определенное от государей не вынесет, то нужно шляхетству на то доходы сложить и учредить, чтоб могло и других пользоваться; а затем: 5) последнее, чтоб над всеми надзирание таким поручено

было, которые довольно искусственно в науках, а наипаче ревностное радение в пользу отечества изъяснить в состоянии. [...]

Вопрос

Какое обстоятельство в учителях требуется?

Ответ

Частью о науке, частью и состояния их смотреть нужно. 1) В начале закона божия чтоб были сами истинной богословии, якоже и благонравия правил довольно научены, не ханжи, лицемеры и суеверцы, но добраго рассуждения, и если чернцев летами не меньше 50 и жития добраго не сыщется, то не противно и мирских, имущих жен, в то употребить. 2) Офицеры суть главные учителя, и хотя за недостатком у нас довольно ученых людей иноземцы употреблены; однакож при том нужно смотреть, чтоб не были молодые, жен и детей неимущие; а при оных хотя половина русских таких, которые хотя склонность к наукам имеют и к тому могут из первых обученных и неколико в армии служивших употребиться. 3) Учители прочих всяких наук хотя все иноземцы, токмо б каждой в своей науке не токмо довольно сам учен, но и к показанию достаточный способности имел; ибо не всякой ученой к научению других есть способен, особливо люди свирепого и продерзного нрава к научению младенцев не способны. 4) Как для обучения по губерниям, так и для партикулярных училищ нужно таких учителей из русских приуготовлять, чтоб не всегда иностранных с великим убытком выписывать, то можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помочь иностранным определить. И тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить...

И. И. Бецкой

**ГЕНЕРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
О ВОСПИТАНИИ ОБОЕГО ПОЛА ЮНОШЕСТВА**

С давнего уже времени имеет Россия Академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано.

Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсем не доставало, о том совсем и помышляемо не было.

Из посланных еще при государе императоре Петре Великом дворяне с хорошими возвратились успехами в том, чему они обучаться назначены

и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех одного подробностях, и сколько в оном есть полезного; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним, одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Такие и тому подобные правила, когда посеются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостью и непорочностью их возраста. Просвещая притом их разум науками и художествами, по природе, полу и склонности каждого, обучаемы быть должны с примечанием таким, что прежде нежели отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, подлежит рассмотреть его склонности и охоту и выбор оных оставить ему самому. Душевные его склонности всемерно должны служить в том над всеми прочими уважениями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предупредит он ни в чем том, чему будет прилежать по неволе, а не по своему желанию.

Притом весьма еще важное примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что к жизни, целости здравия и крепости сложения их служить может; как то в построенных жилищах приводом чистого воздуха, неупотреблением всякого звания медной посуды; так же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять и чрез то мысли его приводить всегда в ободрение, а напротив того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбием назваться может; и сего правила из памяти не выпускать.

От сих первых учреждений зависит все воспитание, какое дано будет первому от оных новой породы происхождению. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а особливо главных над воспитательными училищами директоров и правителей. В последних сих вся важность и затруднение состоит: им надобно быть всем известной и доказанной честности и праводушия, а поведение их и нравы должны быть наперед ведомы и непорочны; особливо же надлежит им быть терпеливым, рассматрительным, твердым и рассудительным, и, одним словом, таковым, чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем добрый от них пример получало. [...]

Н. И. Новиков

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. [...] Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оною совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтобы недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к с поспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтобы всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предпринято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа открыта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелью и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, привыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные перестают быть благодетельными; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов: чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, через него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание

—■—

достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия, в величестве своем исполненная простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; искусства украшают жизнь, дают благородство чувству, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностью и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда и бывает хорошо исполнено, когда сначала представишь себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступлением в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в столь важном деле воспитания! Итак, исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтобы сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к властям их есть та, чтобы в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предметов воспитания.

ИСТОЧНИКИ

1. Аристотель. Политика; Афинская полития / Аристотель ; [пер. С. А. Жебелева, С. И. Радцига; предисл., аннот. указ. Е. И. Темнова]. – М. : Мысль, 1997. – 460 с.
2. Бецкой, И. И. Собрание учреждений и предписаний, касательно воспитания, в России обоего пола благороднаго и мещанскаго юношества; с прочими в пользу общества установлениями : в 3 т. / И. И. Бецкой. – СПб., 1789. – Т. 1. – С. 3–10.
3. Будный, С. Из предисловия к «Катехизису...» / С. Будный // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э.К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 70–72.
4. Гусовский, Н. Песня о зубре / Н. Гусовский ; пер. с латин., пред. к рус. тексту С. Куняева ; пер. с латин. и пред. к белорус. тексту И. Семяжона ; [худ. У. П. Савич]. – М. : Наш современник, 2010. – 126 с.
5. Зизаний, Л. Из книги «Грамматика словенска» / Л. Зизаний // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 108.
6. Зизаний, Л. Эпиграмма на грамматику / Л. Зизаний // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 107.
7. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла; пер. с латин. и коммент. Ф. А. Петровского ; пер. приложений М. Л. Абрамсон [и др.] ; вступит. статья В. П. Волгина [«Коммунистическая утопия Кампанеллы», с. 5–30]. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 228 с.
8. Квинтилиан, М. Ф. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений : [в 2 ч.] / перев. с латин. Императорской Российской академии членом Александром Никольским и оною Академиею изданы. – Санкт-Петербург : в Типографии Императорской Российской академии, 1834. – Ч. 1 : [кн. 1–6] – 483 с.
9. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения / Я. А. Коменский. – М. : Учпедгиз, 1955. – 651 с.
10. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк ; перев. с английского П. Вейнберга. – Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1890. – 246 с.
11. Ломоносов, М. В. Проект регламента московских гимназий / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. : в 11 т. / Акад. наук СССР ; [гл. ред. акад. С. И. Вавилов]. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 9. – С. 443–454.

12. Монтень, М. Опыты : [избранное: перев. с фр.] / М. Монтень ; [вступительная статья А. А. Вишневого ; прим. А. Бобовича, А. Смирнова]. – М. : Мир книги : Литература, 2006. – 463 с.

13. Намысловский, Я. Л. Избранные «Сентенции» / Я. Л. Намысловский // Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э. К. Дорошевич [и др.]. – М. : Педагогика, 1986. – С. 80–88.

14. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний : в 14 т. / сост. И. П. Белокопский, В. П. Вахтеров [и др.]. – М. : Типография Тов-ва И. Д. Сытина, 1910. – Т. 10 : Народное образование в России. – С. 5–7.

15. Новиков, Н. И. О воспитании и наставлении детей // Избранные педагогические сочинения / Н. И. Новиков ; сост. Н. А. Трушин ; под ред. М. Ф. Шабоевой. – М. : Учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1959. – С. 89–178.

16. Платон. Государство / Платон ; [вступ. статья К. А. Сергеева, Л. С. Камневой, с. 5–158]. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 570 с.

17. Плутарх. Сравнительные жизнеописания : перевод / Плутарх. – М. : ЭКСМО-пресс ; Харьков : Фолио, 1999. – 1166 с.

18. Полоцкий, С. Обед душевный и Вечеря душевная / С. Полоцкий // Хрестоматия по истории педагогики / сост.: И. Е. Лакин, М. В. Макаревич, А. Х. Рычагов. – Минск : Вышэйшая школа, 1971. – С. 357–366.

19. Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: начало рус. лит. XI – нач. XII в. [сб. текстов / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева; вступ. статья Д. С. Лихачева]. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 395–413.

20. Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль : повесть / Ф. Рабле ; обраб. для детей Н. Заболоцкий. – СПб. : Сов. писатель, 1993. – 416 с.

21. Роттердамский, Э. Воспитание христианского государя / Э. Роттердамский. – М. : Мысль, 2001. – 365 с.

22. Роттердамский, Э. Похвальное слово глупости. Домашние беседы / Э. Роттердамский. – М. : Художественная литература, 1938. – 600 с.

23. Руссо, Ж-Ж. Избранное : [главы и отрывки из сочинений : пер. с франц.] / Ж-Ж. Руссо ; [сост., предисл. С. 5–60, и примеч. И. Верцмана]. – М. : Дет. лит., 1976. – 190 с.

24. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акфісты, пасхалія / Ф. Скарына; уступ. арт. падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А. Ф. Коршунова, паказальнікі А. Ф. Коршунова, В. А. Чамярыцкага. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.

25. Славинецкий, Е. Гражданство обычаев детских / Е. Славинецкий // Хрестоматия по истории педагогики / сост.: И. Е. Лакин, М. В. Макаревич, А. Х. Рычагов. – Минск : Вышэйшая школа, 1971. – С. 350–354.

В хрестоматии представлены тексты первоисточников, необходимые для организации самостоятельной работы студентов в процессе усвоения курса «Педагогика» (раздел «История образования и педагогической мысли»). Работы философов, педагогов различных исторических эпох распределены по темам согласно типовой программы.

Хрестоматийные материалы разделены на три части. В первой части представлены первоисточники по истории развития образования и педагогической мысли в Беларуси, России и за рубежом до XVIII века (включительно).